

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»
Институт филологии культурологии и межкультурной коммуникации
Кафедра общего языкознания и русского языка

На правах рукописи

ДОБЫЧИНА Ольга Александровна

САКРАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В СОВРЕМЕННОМ
СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

10.02.01 – Русский язык

(русский язык, уровень профессионального образования)

научно-квалификационная работа (диссертация)

Научный руководитель:
Коновалова Надежда Ильинична,
д.филол.наук, профессор

Екатеринбург, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. МЕСТО САКРАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	12
1.1. Сакральная лексика в языковой картине мира	12
1.2. Понятие "сакральное" в лингвистике	25
1.3. Место сакральной лексики в современном русском языке	28
1.4. Тематические группы сакральной лексики	33
1.5. Маркеры сакральности	39
1.6. Функционально-семантические изменения в лексике со значением сакральности	41
1.7. Основные способы реализации сакральных значений.....	44
ГЛАВА II. ЛЕКСИКА С САКРАЛЬНОЙ СЕМАНТИКОЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ И СИНХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ.....	52
2.1. Сакральная лексика, обозначающая предметы культового поклонения и символизирующие веру	54
2.2. Функционально-семантические особенности языковых единиц, обозначающих поклонение и символизирующие веру	67
2.3. Функционально-семантические особенности лексики, относящейся к сфере «оберега»	97
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	110
Список литературы	113

ВВЕДЕНИЕ

Язык во все времена оставался наиболее яркой идентифицирующей характеристикой этноса, поэтому начиная с XIX века вопрос взаимодействия и взаимосвязи языка и культуры является одним из самых обсуждаемых и исследуемых в лингвистике, и, тем не менее, он до сих пор не утратил своей актуальности.

Впервые о двусторонней связи языка и культуры заговорил Вильгельм Ф. Гумбольдт, труды которого привнесли в лингвистическую науку идею о взаимопроникновении трех единств: инструмента общения (языка), мышления человека и культурной парадигмы, в рамках которой он развивается. По мнению В. Гумбольдта, язык есть орган, образующий мысль, и в то же время инструмент мировосприятия данного этноса, формирующего собственную культурную целостность. Впоследствии концепцию В. фон Гумбольдта продолжали разрабатывать Ш. Балли, И.А. Бодуэн де Куртэне, Ж. Вандриес, А.А. Потебня, Р.О. Jakobson и другие исследователи. Так, ученик В. Гумбольдта и основатель психологического течения в языкознании, Х. Штейнталь, обратился к авторитету учителя для построения новой концепции – "психологии народов", опиравшейся на идеи последнего о том, что языки есть органы оригинального мышления наций, поэтому язык трактуется как продукт сообщества, как самосознание, мировоззрение и логика духа народа. В связи с этим, предлагается изучать язык и его характерные особенности через данную в опыте звуковую сторону языка, репрезентирующую внутреннюю форму языка, которая обуславливает национальный тип языка, а также рассматривать язык, нравы и обычаи, установления и поступки, традиции и песнопения как продукты духа народа.

Безусловным достоинством этой концепции является обращение к индивидуальной психологии, индивидуальному акту речи, к попыткам

установить связи между типом языка, типом мышления и типом духовной культуры народа.

Другой представитель психологического направления Вильгельм Вундт отмечал социальный характер языка и считал необходимым изучать язык как продукт коллективной жизни людей в одном ряду с мифами, к которым примыкают зачатки религии и искусства, и с обычаями, включающими в себя зачатки и общие формы развития права и культуры.

Следуя Гумбольдту, А.А. Потебня также видит в языке не изолированный феномен, а «механизм, порождающий мысль, неразрывно связанный с культурой народа» [Потебня, 1989: 155-156]. Такие категории как «народ» и «народность» имеют первостепенное значение для исследователя. Народ для Потебни является творцом языка. Язык – порождение «народного духа». Вместе с тем именно язык обуславливает национальную специфику народа, в терминах Потебни – «народность». Сформулированная им проблема «язык и нация» получила развитие в работах Д. Н. Овсяннико-Куликовского, Д. Н. Кудрявского, Н. С. Трубецкого, Г. Г. Шпета и др. Следовательно, будучи средой нашего обитания, язык не существует вне нас как объективная данность, он находится в нас самих, в нашем сознании, нашей памяти; он меняет свои очертания с каждым движением мысли, с каждой новой социально-культурной ролью.

Основной чертой современной антропоцентрической лингвистики является её ярко выраженный интерес к исследованиям языковой картины мира и отдельных её фрагментов или представлений о том, как внешняя действительность отражается в языке народа, где язык, не только репрезентирует реальность, но интерпретирует её, создавая особую действительность, в которой живет человек. В ней и получает своё наполнение феномен сакрального.

Сакральное – сверхъестественное явление, вызванное вмешательством «потусторонней, в том числе и божественной» силы. Процесс сакрализации в

языке: (sacralization) – это наделение материальных предметов, персон, явлений, действий, речевых формул религиозным, «священным», мистическим, волшебным содержанием.

Исследование сакрального содержания находит свое отражение в работах, выполненных на стыке лингвистики и смежных наук гуманитарного цикла: психологии, культурологии, диалектологии, социологии, этнографии, этнологии. В лингвистическом плане обращение к отдельным сакральным характеристикам отмечается с конца 90-х годов XX века, наблюдается тенденция к осмыслению нового терминологического аппарата, исследуется частотность использования лексики, относящейся к религиозно-культурной сфере и пр: А.В. Юдин «Христианский ономастикон в русских заговорах» (1992), М.Л. Ковшова «Культурно-национальная специфика фразеологических единиц (когнитивные аспекты)» (1996), Е.Н. Бетехтина «Фразеологизмы с библейскими именами (в русском и английском языках)» (1999), И.А. Королева «Православная сакрально-богослужебная лексика в современном русском языке и в художественном тексте» (2003), И.И. Бабенко «Сакрально-религиозный компонент в языковой концептуальной картине мира М. Цветаевой» (2005), Г.А. Толстовош «Старообрядческая конфессиональная лексика в письменной речи: Агафьи Лыковой» (2007), Н.А. Воробьева «Русская сакральная идиоматика: лингвокультурологический аспект» (2007), Н.И. Коновалова «Сакральный текст как лингвокультурный феномен» (2007), Т.Н. Бурмистрова «Сакральная фитонимия: лингвокультурологический аспект» (2008), Т.В. Кузьмина «Сакральная составляющая в лексических единицах русского языка (с привлечением единиц из болгарского языка)» (2011) и др. Тем не менее, вопрос о том, насколько изменилась сегодня категория языковых единиц с сакральным содержанием, остается открытым. Дело в том, что сам факт использования сакральной лексики в современном русском языке характеризуется двояко: с одной стороны, отмечается тенденция к частому употреблению религиозной

лексики, с другой стороны, налицо изменение характера применения данных единиц в текстах различной направленности. Наиболее востребованными единицы сакрального характера являются в текстах современных СМИ, где можно выделить различные способы актуализации сакральной семантики. В этой связи настоящее исследование представляется весьма интересным и научно значимым.

Сакральная лексика до сих пор не обнаруживает сколько-нибудь четких границ в языковой системе. Это обусловлено тем, что, во-первых, сам феномен сакральности обладает разнообразным тематическим наполнением: религиозная сфера, сфера святого, священного (неприкосновенных вещей), культовые предметы и тотемы, а также область магического и волшебного. Большинство языковых единиц, обозначающих понятия, относящиеся к этим сферам, возможно обнаружить среди "религиозной лексики". Более того, некоторые исследователи приходят к заключению, что в число сакральных единиц следует отнести также мифологемы (то есть индивидуальные, национальные специфичные единицы языка, связанные в представлениях русскоязычного человека с религией, святостью, культурно-мифологическими элементами и пр.).

На фоне ряда общественно-политических событий лексика сакрального характера в XX веке табуировалась, и в дальнейшем стала использоваться в основном во фразеологизмах и афоризмах, переходя с течением времени в пассивный словарный состав языка. Вытеснение религиозной лексики в период советской власти из общенародного языка отмечается многими лингвистами (Г.Н. Складневская, Ю.Н. Михайлова и др.). Ввиду значительных перемен в социально-культурной и политико-экономической жизни нашей страны на рубеже XX-XXI веков в настоящее время наблюдается активное вторжение в язык и культуру реалий, связанных с возрождением большого пласта духовной жизни народа. Современными исследователями отмечается активизация функционирования лексики религиозной и церковной сферы в

речи как самих носителей русского языка (обывателей), так и представителей СМИ. Таким образом, лексика с сакральным содержанием возвратилась в активную часть словарного запаса русского языка.

В последние годы наблюдается активизация изучения единиц данного лексического класса. Во-первых, следует назвать ряд работ когнитивного плана, в которых рассматривается ментальная специфика концептов религиозной сферы (С.В. Булавина, Е.В. Сергеева, А.Д. Шмелев и др.). Во-вторых, можно назвать труды этимологического и лексико-семантического направления (в них изучению подвергается развитие и изменение лексического значения единиц религиозной сферы (И.В. Бугаева, Р.И. Горюшина, Е.В. Сергеева). В-третьих, выделяется риторико-стилистический аспект анализа религиозной лексики как стилеобразующего средства (например, работы Л.П. Крысина, О.А. Прохвятиловой, Е.В. Сергеевой и др.). В исследованиях, проведенных в русле данного научного направления, поднимается вопрос о правомерности выделения в современном русском языке церковно-религиозного (М.Н. Кожина) функционального стиля. Особняком стоят работы лексикографического направления, в соответствии с которым религиозная лексика рассматривается с точки зрения ее описания в различных словарях (Г.Н. Складневская, О.Н. Емельянова и др.).

Тем не менее, многие аспекты лексики религиозно-обрядовой, культурно-мифологической сферы остаются малоизученными. В круг вопросов, исследуемых учеными, входит лексика, функционирующая в официальном православии, известная в общерусской (или общероссийской) культуре, религиозная лексика, зафиксированная историческими или современными толковыми словарями. Однако на материале публицистики лексика, имеющая семантическую связь с областью сакрального, в отечественной лингвистике практически не рассматривалась. Этот факт обуславливает **актуальность исследования.**

Целью настоящей работы является описание лексики современного русского языка, связанной с сакральной сферой (религии, культурно-мифологических представлений, таинственных / магических феноменов и пр.).

Поставленная цель предполагает последовательное решение следующих **задач**:

- Представить определение понятия "сакральности"; "сакральная лексика", рассмотрев смежные с ним термины ("религиозная лексика", "церковная лексика" и др.);
- Рассмотреть тематико-семантическое разнообразие сакральной лексики, представив основные классификации данного пласта языка;
- Выявить хронологическую специфику развития религиозной лексики в области семантики;
- Определить место сакральных единиц в русской национальной картине мира;
- Обозначить корпус лексических единиц, обладающих сакральной семантикой, относящихся к предметно-тематической области "предметы, символизирующие веру", "предметы поклонения", а также лексике, относящейся к сфере "обереги".
- Описать особенности в области семантики и функционирования сакральной лексики русского языка, фигурирующей в современных печатных СМИ, обозначающей предметы культового поклонения, предметы, символизирующие поклонение, преданность вере, обереги.

В качестве **объекта** исследования выступают феномен сакральности и его реализация в лексической системе современного русского языка.

Предмет исследования – функционально-семантические особенности сакральной лексики предметно-тематической области "предметы,

символизирующие веру", "предметы поклонения", а также лексики, относящейся к сфере "обереги".

Материалом исследования послужили лексические единицы, обладающие сакральной семантикой, отобранные из русского семантического словаря, а также толковых словарей русского языка, в т.ч. толкового словаря русского языка конца XX в.

В качестве **источников** языкового **материала** для выявления функционально-семантических особенностей указанных единиц послужили "Национальный корпус русского языка" (<http://www.ruscorpora.ru/search-main.html>), полные номера общетематических и тематически ориентированных газет федерального и областного значения.

В процессе работы привлекался материал «Словаря живого великорусского языка» В. Даля, «Толкового словаря русского языка» Д. Н. Ушакова, «Толкового словаря русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой, «Толкового словаря русского языка конца XX века» Г.Н. Складчиковой, толковых словарей Т.Ф. Ефремовой, А.П. Евгеньевой, С.А. Кузнецова, «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера, «Историко-этимологического словаря русского языка» П.Я. Черных, «Этимологического словаря русского языка» Н.М. Шанского, использовались данные «Фразеологического словаря русского языка» М.И. Степановой, А.Н. Тихонова - (ФСРЯ), «Русского ассоциативного словаря» Ю.Н. Караулова, «Этнолингвистического словаря» под ред. Н.И. Толстого, «Словообразовательного словаря русского языка» А.Н. Тихонова и справочников религиозной направленности, а также интернет-словарей.

Методологическую основу исследования составляет ряд общенаучных и общелингвистических методов, а именно: описательный метод (приемы: наблюдение, сопоставление, дефинитивный анализ, обобщение); количественный метод, компонентный, сравнительный анализ языкового

материала, дистрибутивный. Частично были применены морфологический, этимологический, словообразовательный виды анализа.

Теоретическую основу данного исследования составили труды таких ученых и современных исследователей в области психолингвистики, когнитивной лингвистики и лексикологии русского языка, как Н.И. Коновалова, Т.А. Гридина и др.

Теоретическая значимость. В работе были выявлены, проанализированы и описаны функционально-семантические особенности лексических единиц, связанных с сакральной сферой, относящихся к предметам различных тематических групп, ранее не являвшихся предметом специального исследования. В исследовании предпринимается попытка определить объем понятия «сакральности» и выявить его динамические характеристики.

Практическая значимость работы обусловлена тем, что результаты, методика и представленный языковой материал могут быть использованы при составлении различных словарей русского языка (узкоспециализированных религиозных терминов; толковых, семантических и пр. типов словарей), а также справочников различного типа и учебных пособий по лексикологии и стилистике русского языка; на семинарах и спецкурсах по русскому языку, в теории и практике перевода; при составлении методических разработок и пособий по языкам.

Положения, выносимые на защиту:

1. Семантика сакральных единиц современного русского языка в большинстве случаев характеризуется синкретизмом, что обусловлено связью языческого и православного начал в сознании русского человека.

2. Сакральные семы выявляются в результате интерпретации иллюстративного материала, репрезентующего мифы, поверья, приметы, обряды, ритуалы, характерные для русской языковой картины мира.

3. Актуализация сакральных компонентов, переосмысление профанной лексики и десакрализация – результат когнитивного освоения человеком окружающей действительности.

В соответствии с задачами работы данное исследование имеет следующую **структуру**: оно состоит из введения, двух глав, заключения, списка используемой литературы.

Во Введении определяются объект, предмет, цели и задачи исследования, его актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, методологические основы, положения, выносимые на защиту.

В первой главе излагается теоретическая концепция и характеризуется понятийно-терминологический аппарат работы – раскрываются понятия "сакральное", "сакральная" / "религиозная лексика" и представляются различные типы классификаций слов, относящихся к сфере религии и культа.

Вторая глава работы посвящена рассмотрению функционально-семантических особенностей лексических единиц, связанных с сакральной сферой, относящихся к предметно-тематической сфере "поклонение", "символизация веры" и "оберег".

В **заключении** представлены выводы относительно проведенного исследования.

В **списке литературы** представлен перечень использованных для написания данной работы материалов в количестве 96 источников.

ГЛАВА I. МЕСТО САКРАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1.1. Сакральная лексика в языковой картине мира

Согласно мнению большинства исследователей язык обладает социальной природой и не существует вне культуры, с которой он находится в состоянии взаимодействия и взаимовлияния. «Как один из видов человеческой деятельности язык оказывается составной частью культуры, определяемой как совокупность результатов человеческой деятельности в разных сферах жизни человека: производственной, общественной, духовной. Однако в качестве формы существования и мышления и, главное, как средство общения язык стоит в одном ряду с культурой» [Тер-Минасова, 2000: 15]. Путь познания природы языка, его сущности и закономерностей функционирования и развития – это «путь познания его социальной природы в единстве с познанием сущности внутренних законов языка» [Алефиренко, 2005: 239], поэтому проблема взаимоотношения социального и внутривидового в языке относится к кардинальным проблемам современной лингвистики. Н.Ф. Алефиренко считает, что главным критерием выделения социализированных отношений в языке является критерий социальности – социальный фактор, который в процессе речевой деятельности порождает и обуславливает конкретное проявление социальности языка, т.е. влияет и на отдельные факты и элементы языка [Алефиренко, 2005: 239-241]. К примеру, слово как одна из основных единиц языка под действием социального фактора может приобрести определенное идеологическое значение. Слово, *диссидент*¹, например приобрело значение лица, не разделяющего коммунистической идеологии, противостоящего

---

¹ Диссидент, а, м.

1. Верующий, отступающий от официального религиозного учения или неподчиняющийся церковной дисциплине. *Толковый словарь русского языка конца XX в. под ред. Г.Н. Складневской (1998: 214).*

существующему режиму¹ под влиянием постсоветской идеологии и демократических изменений в России последнего десятилетия XX века. Таким образом, языковая структура – это «продукт исторического формирования и развития языка в неразрывной связи с развитием общества и общественного сознания» [Алефиренко, 2005: 243], в связи с этим большинство лингвистических исследований носит антропоцентрический характер. В центре внимания лингвистов – язык, отражающий национальную культуру народа с его особой мыслительно-речевой деятельностью, потому как «расшифровка процесса языкового отражения реальной действительности... ..проблема по-прежнему актуальная» [Тихонова 2006: 122].

По наблюдениям А.В. Кирилиной и Е.С. Гриценко, современная социолингвистическая ситуация характеризуется такими чертами, как "глобализация общества", "виртуализация коммуникации, ведущая к унификации выразительных средств и синтезу ряда языковых подсистем", "усиление использования языка как средства идеологического воздействия и конструирования социальной реальности", "трансформация и мощнейшая интенсификация языковых контактов при доминировании американского варианта английского языка", "ускорение динамики социальной, экономической и культурной жизни человечества и связанной с ним динамики развития и изменения языка" и др. [Кирилина, Гриценко, 2011: 56].

Жизнь языка неотделима от тех процессов, которые происходят в обществе. При этом обнаруживает себя двусторонняя связь: данный социум создает условия для определенных изменений и стимулирует языковые процессы, которые направлены на удовлетворение общественных потребностей. Н.В. Любезновой отмечается, что "изменения в языке оказываются возможными благодаря заложенным в нем потенциям

---

¹Толковый словарь русского языка конца XX в. под ред. Г.Н. Складневской (1998: 214).

внутреннего характера, которые обнаруживаются под воздействием внешнего, социального "толчка" [Любезнова, 2010: 4-5].

Под воздействием социальных факторов изменения в литературном языке могут затрагивать все языковые уровни: словообразовательный, морфологический, лексический, а также синтаксис, стилистику и пр. Так, к примеру, на уровне грамматики мы можем видеть следующие изменения. Внутрисистемное качество таких наименований, как "забияка", "невежа", "сирота" и пр. (существительных общего рода), являющееся результатом асимметричности языкового знака, подразумевающее наличие двух грамматических значений для одной формы, предполагает двойное согласование – по мужскому роду и женскому. В результате действия закона аналогии воздействия социального фактора и другие классы имен начали приобретать аналогичную сочетаемость, ср.: "Когда у меня родилась внучка, полтора года назад, врач пришла на 10-е сутки" [коллективный. Форум: Хватит губить детей! (2011) // НКРЯ]; "Оля с длинной косой, юрист страховой фирмы, добиралась аж с Речного вокзала" ["Огонек", 2014 // НКРЯ]. Подобное соотношение форм было невозможно, когда соответствующие профессии и должности были преимущественно мужскими.

В области словообразования также происходят изменения, обусловленные социокультурными факторами. Так, множественные лексические новации в современном русском языке, появившиеся как результат особого приема номинации – образования двусловных или составных наименований с сокращенными или полностью представленными лексическими элементами и возможным последующим лексико-семантическим стяжением некоторых словосочетаний, есть следствие стремления к более четкой формулировки мысли и экономии в условиях постоянной нехватки времени. Сегодня повсеместно употребительны, к примеру, универбаты "маршрутка", "кредитка", "платежка", "безнал": "...

в 2013 году для оплаты мобильной связи преимущественно использовали безнал 17 процентов, а в 2015-м – уже треть" [РГ, 07.09.2016].

В связи с небывалым расширением этнико-культурных границ современной России и одновременным расшатыванием литературных норм имеет место активный процесс пополнения литературного языка иноязычными заимствованиями. Сегодня практически ни одна из газетно-журнальных публикаций не обходится без употребления множественных англицизмов, германизмов, заимствований из других языков Европы ("саммит", "кэш", "кэш-бэк", "холдинг", "гаджет", "офшор", "франчайзинг", "эквайринг" и пр.) и азиатских языков; отметим также и лексику, пришедшую с Востока, ориентированную на обозначение понятий, связанных с миром ислама ("жаджидизм", "хиджаб", "шахид", "ваххабит") и ряд других.

Упомянутый выше процесс «расшатывания» литературных норм связан в первую очередь с "демократизацией контингента владеющих литературной речью", с одной стороны, и с другой – с "вхождением в публичную жизнь таких групп людей и персоналий, которые в своих привычках и пристрастиях связаны с разного рода жаргонами и другими формами нелитературной речи" [Любезнова, 2010: 9]. Отдаление общества от традиций и канонов, отхождение от норм тоталитарного государства, провозглашение свободы как в общественно-политической и экономической сферах, так и в сфере межличностных отношений отражаются, в частности, в оценке некоторых языковых явлений и фактов: языковые элементы, ранее являвшиеся принадлежностью социально непрестижного окружения (малокультурной среды или криминальной), начинают приобретать "права гражданства" в современном общественном мнении наряду с традиционными средствами литературного языка.

В отношении лексических изменений следует указать и на то, что одной из заметных специфических черт лексико-семантической структуры

современного русского языка начала XXI в. представляется активное употребление эвфемистических наименований социально значимых денотатов: "Президентский указ о либерализации цен начал действовать 2 января 1992 года. С "этого дня Россия перешла от плановой экономики к рыночной: 90 процентов розничных и 80 процентов оптовых цен были освобождены от государственного регулирования. Одновременно была введена либерализация зарплат и свобода розничной торговли" [РГ, 12.01.2017]; "Компетентные органы КНДР ведут расследование деятельности задержанного" [РГ, 03.05.2017]; "Ранее компетентные органы США отказали России в экстрадиции Булах, в связи с чем судебное разбирательство началось в отсутствие обвиняемой" [РГ, 02.05.2017]; "В Афганистане военные США ликвидировали регионального лидера ДАИШ (арабское название запрещенной в РФ группировки "ИГИЛ"). Шейх Абдул Хасиб **был убит** в провинции Нангархар 27 апреля" [РГ, 08.05.2017] и пр.

Говоря о социокультурной ситуации в России сегодня, также следует отметить, что она характеризуется беспрецедентной степенью свободы, что имеет множество проявлений. Так, мы можем видеть выражение "свободы слова" на страницах современных отечественных СМИ, в текстах и речи которых активно употребляются разговорная лексика, жаргонизмы и даже вульгаризмы. Данные категории языковых единиц могут присутствовать и в текстах, относящихся к церковно-религиозной тематике. Так, например, на страницах религиозных изданий мы можем наблюдать разговорные и разговорно-сниженные языковые элементы, ср.:

- "Долг любви и взаимоуважения обязывает россиянина разбираться в исламе хоть чуть-чуть и ни в коем случае не хихикать над ним развратным смехом атеиста" [Православие, 11.01.2015];
- "По прогнозам социологов, мигрантофобия будет расти. Одно дело – общие праздники москвичей, другое –

молитва мигрантов. Молитва – это хорошее дело, к ней надо относиться бережно. А большое скопление молящихся напрягает других" [Православие, 08.08.2013].

Результат социально-экономической мутации может обнаруживаться на уровне семантики в отношении не одной выборочной лексемы, а целого ряда единиц. Изменения в области семантики лексических единиц могут затрагивать целые "блоки" и терминосистемы. Так, к примеру, расширение значения – это один из преобладающих семантических процессов. Т.Н. Зайцева, изучая русскоязычную современную экономическую терминологию, отмечает, что "блок номинаций с опорным компонентом "рынок" перестает связываться в нашем понимании исключительно с местом купли-продажи товаров и услуг, заключения торговых сделок и восприниматься в качестве "реалии советской жизни". Более актуальным становится значение "рынок – экономические отношения, связанные с обменом товаров и услуг, в результате которых формируются спрос, предложение и цена", как сфера деятельности, построения деловых отношений и бизнеса [Зайцева, 2010: 232].

Все эти процессы, наблюдаемые в языке, могут способствовать выявлению особенностей развития мыслительных образов, мировосприятия, формирования / перестроения национально-специфичного мировоззрения, языковой картины мира.

Проблема взаимоотношения человеческого мышления и языка, языка и духа народа впервые была освещена в трудах В. фон Гумбольдта. Он утверждал, ничто иное не способно приблизить к разгадке тайны человека и характера народов, как их язык. Язык всеми тончайшими фибрами своих корней связан с народным духом, по языку познается характер народа. Проявляясь в культуре, языке, поведении, определенные лексические единицы каждого языка представляют собой менталитет народа, т.е. совокупность его интеллектуальных, идеологических, религиозных,

психологических, эстетических и других особенностей мышления, что в одинаковой степени относится как ко всему народу, так и к его конкретной социальной группе либо отдельному индивиду, представляющему данный народ. Философский словарь дает определение менталитета ("менталитет – психология, образ, способ мышления, мировосприятия, присущие отдельному человеку, социальной группе или народу в целом" [Шагалова, 2010: 181]) как глубинного уровня коллективного и индивидуального сознания (включающего и бессознательное), совокупности готовности, установок и предрасположенностей индивида или социальной группы действовать, мыслить, чувствовать и воспринимать мир определенным образом [Гумбольдт, 1984: 176-178]. Продолжение развития его идей нашло отражение в учении А.А. Потебни, последователя В. Фон Гумбольдта и Х. Штейнталя о внутренней форме слова. Данное учение открывает перспективы для исследования национально-специфических черт в области номинативной и семантической специфики языковых форм, так как психологию народа можно понять только через изучение культуры, поэзии, традиций, верований и т.д. Внутренняя форма слова выступает как выражение национальной специфики языка, поскольку всегда связана с предшествующим значением слова. Однако в языке есть единицы, в которых внутренняя форма затемнена или утрачена. В этом случае обращение к этимологии слова позволяет эксплицировать смыслы (в том числе и сакральные), особо значимые в момент возникновения слова и фиксируемые в сознании языковой личности, как результат накопления социумом гносеологического опыта, знания о том, что окружает человека. Последнее и составляет основу картины мира.

Сегодня тот факт, что основа картины мира есть язык, является бесспорным. В языке отражены глубочайшие знания о мире, его предметах, явлениях, представлениях и т.п. Все это объединено понятием "языковая

картина мира" (далее – ЯКМ), концентрирующим всю совокупность существующих в мире языков.

Понятие языковой картины мира восходит, с одной стороны, к идеям В. фон Гумбольдта и его последователей, с другой стороны, а с другой стороны – к идеям американской этнолингвистики, в частности, так называемой гипотезы Сепира-Уорфа, заявивших о лингвистической относительности.

Понятие "языковая картина мира" было введено в научный обиход одним из учеников В. фон Гумбольдта, Л. Вайсгербером, который обозначил следующие основные характеристики языковой картины мира:

- языковая картина мира – это система всех возможных содержаний: духовных, определяющих своеобразие культуры и менталитета данной языковой общности, и языковых, обуславливающих существование и функционирование самого языка;

- языковая картина мира, с одной стороны, являет собой следствие исторического развития народности и ее языка, а с другой стороны, в ней заложены причины специфического пути их дальнейшего развития;

- языковая картина мира являет собой структурированный объект, обладая множеством способов репрезентации в языке; она определяет особый набор звуков и их сочетаний, особенности строения артикуляционного аппарата носителей языка, словообразовательные возможности языка и пр., в том числе и лексический фонд;

- языковая картина мира создает однородность языковой сущности, способствуя закреплению языкового и культурного своеобразия в видении мира и его обозначения средствами языка;

– языковая картина мира существует в однородном своеобразном самосознании языковой общности и передается последующим поколениям через мировоззрение, правила поведения, образ жизни, запечатленные средствами языка;

– картина мира какого-либо языка является его преобразующей силой, формирующей представление об окружающем мире через язык как "промежуточный мир" у носителей данного языка.

В современной лингвистике также подробно рассматривается многомерность параметров языковой картины мира в целом и в частных ее фрагментах, поэтому существует множество подходов к описанию языковой картины мира. Учеными-языковедами ведется поиск и реконструкция «наивного» донаучного взгляда на мир, при этом учитывается национальная специфика языковой формы, составляющая цельную языковую картину мира (Ю.Д. Апресян, Е.С. Кубрякова, Ю.Е. Прохоров и др.).

Другое направление в изучении этого феномена связано с психолингвистическими основами исследования речевой деятельности (Т.А. Гридина, Н.И. Береснева). Некоторые ученые рассматривают языковую картину мира в региональном аспекте (Н.И. Коновалова, С.М. Белякова, О.И. Блинова) и через национально-культурный компонент (В.Г. Костомаров, В.А. Маслова, В.Н. Телия).

В трудах Ю.Д. Апресяна языковая картина мира дополнительно называется «наивной» [Апресян 1995: 39]. Согласно его концепции, она отражает множественность подходов к выражению одного и того же смысла. По мнению ученого, исследование наивной картины мира идет в двух направлениях. Во-первых, исследуются отдельные для данного языка слова, это, прежде всего, «стереотипы» языкового и культурного сознания, во-вторых, это специфические коннотации неспецифичных лексем.

Наивная картина мира является отражением духовного и материального опыта народа. В этом смысле для лексикографа «задача состоит в том, чтобы вскрыть эту наивную картину мира в лексических значениях слов и отразить ее в системе толкований» [Апресян 1974: 57]. Подобные исследования позволяют выявлять общие и индивидуальные черты в семантике естественных языков.

Н.И. Береснева отмечает, что языковая картина мира «в виде значений языковых знаков, составляющих семантическое пространство языка, является вторичной, опосредованной и поэтому не влияет на мышление и поведение. И, напротив, мышление, поведение определяются когнитивной картиной мира, выступающей в виде концептов, образующих концептосферу, которая является непосредственной, первичной. Языковая картина мира представляется более узкой и бедной, не выражающей богатства, бесконечного разнообразия концептосферы» [Береснева 2004: 15]. Языковая картина мира является частью картины мира, так как это «человеческое восприятие мира, зафиксированное в языке» [Маслова 2010: 64].

Когнитивная функция языка формирует у человека систему знаний о мире. В этом случае языковая личность русской культуры предстает, прежде всего, как динамичное, деятельное существо, выполняющее три различных типа действий - физические, интеллектуальные и речевые. Человеку свойственны определенные состояния — восприятие, чувство, желания, знания, мнения, эмоции. Он [человек] определенным образом реагирует на внешние и внутренние воздействия, реализуя положительное или отрицательное отношение к окружающему миру. Совокупностью этих значений является языковая картина мира индивида, которая всегда формируется под влиянием представлений всего народа, под влиянием уже существующих образцов и моделей, то есть определенных стереотипов. С. Г. Тер-Минасова в своей книге «Язык и межкультурная коммуникация» определяет стереотип как «схематический, стандартизированный образ или

представление о социальном явлении или объекте, обычно эмоционально окрашенные и обладающие устойчивостью. Выражает привычное отношение человека к какому-либо явлению, сложившееся под влиянием социальных условий и предшествующего опыта» [Тер-Минасова 2000: 138]. Следовательно, язык становится средством, которое помогает проникнуть в скрытую сферу ментальности: рассказывает о быте человека, его мировоззрении, чувствах, эмоциях, а также является средством доступа к мыслительным процессам. Именно язык кодирует и транслирует информацию о реалиях культуры этноса: «Речевоздействующий потенциал языковой системы проявляется в том, что посредством языковых конструкций говорящая личность формирует значения, способные репрезентировать определенные структуры знания...» [Ярыгина 2003: 11].

В совместной работе ученые-лингвисты З.Д. Попова и И.А. Стернин предлагают рассматривать ЯКМ как "совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе его развития, представление о действительности, отраженное в языковых знаках и их значениях - языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире" [Попова, Стернин, 2003: 38]. В связи с этим, в отношении взаимосвязи языка и культуры народа следует указать и на такой объект, соотносящийся с данными категориями, как национальный характер. О.А. Корнилов, анализируя проблемы ментальности и особенности национального характера, отмечал результаты исследований А. Вежбицкой, которая открывает такой подход к проблемам связи языка и национального характера, при котором предполагается выявление свойств национального характера, учитывая их национальную специфику. Тем самым, сведения о национальном характере оказываются результатом лингвистического анализа, а не его исходной предпосылкой. Если какие-либо данные о национальном характере являются результатом объективного научного

исследования, то такие факты можно считать общепринятыми и искать им дополнительные подтверждения в ЯКМ [Корнилов, 2003: 79].

Таким образом, языковая картина мира – исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ восприятия и устройства мира, концептуализации действительности.

Однако при всех общих условиях в жизни каждого народа есть свойственные, только ему присущие реалии культуры, быта, среды.

Все эти реалии находят отражение в языке, прежде всего в виде языковых обозначений данных специфических элементов этноса, несущих культурный отпечаток.

Одной из таких специфических черт русской языковой картины мира является ее сакральная составляющая. Анализ лексем с сакральным содержанием предоставляет возможность не только реконструировать наивную картину мира культуры русского народа, но и выявить своеобразие процесса сакрализации в языке.

Н. И. Коновалова обозначает такие параметры, структурирующие наивную картину мира и имеющие значение для исследования сакрального содержания:

– Синкретизм (слитность, нерасчлененность) объективного и субъективного представлений об окружающем мире, который проявляется в соединении интеллектуальных и чувственных основ представления и отражает сложность, взаимосвязи мистики и реальности, бытия и сознания. Так, например, лексема *лес* имеет денотативную сему 'площадь земли, обильно заросшая деревьями', но при этом содержит сакральную сему 'страх', реализующую мистическое начало: *«В лес куды заходишь, а лицо перекрестишь, а помоги мне господи выйти»* [быт. // НКРЯ]).

– Аксиологичность как основное свойство картины мира актуализирует интересующие нас смысловые отношения, т.к. в языке отражается взаимодействие действительности и человека в самых разных аспектах (объективный мир членится говорящими с точки зрения его ценностного характера). Доказательством особой аксиологической выделенности этих признаков является функционирование в пословицах, поговорках и фразеологических единицах русского языка, например, в идиоматическом выражении *приносить жертву на алтарь* лексема *алтарь* вбирает в себя семантическое поле добра и зла, обладая при этом как отрицательной, так и положительной коннотацией.

– Ценностная неравнозначность реалий окружающей действительности определяет избирательность номинаций, получающих дополнительное сакральное значение. Так, например, с древности люди придают большое значение растениям и травам, однако сакральные семы присущи далеко не всем названиям растительного мира (*чертополох, папоротник, иван-чай, верес, осина и др.*)

– Системность. Представления человека о тех или иных объектах действительности, обладающих сакральным характером, реализуются не в развитии изолированных сакральных сем у одной лексической единицы, а проникают в семантическую структуру однокоренных слов, например: *святость, святой, святое, святитель*.

– Многослойность. Языковая картина мира фиксирует в себе факты разных исторических периодов, отражает разные системы ценностей. Во многом именно многослойностью объясняется фиксирование в лексической единице оппозиционных сакральных сем.

Так, например, лексема *алтарь* включает как сакральную сему 'рай', так и сему 'смерть'.

1.2. Понятие "сакральное" в лингвистике

Сакральная сфера культуры является предметом, который обращает на себя весьма пристальное внимание ученого мира. В последние два десятилетия в нашей стране интерес ученых все больше возрастает по отношению к изучению вопроса о роли религии в жизни общества, поскольку она является неотъемлемым компонентом человеческой истории на разных этапах ее развития, формой сохранения опыта, накопленного предшествующими поколениями.

«Исследование сакрального содержания национальных языковых форм вызывает определенные трудности» [Коновалова 2007: 5], поэтому существует необходимость обозначить суть данного термина.

Сам термин "сакральный" происходит из латыни: [лат. *sacer (sacri)*] – священный, относящийся к религиозному культу и ритуалу; обрядовый" [Груббер, 2005: 453]. Слово "*sacrum*" в латинском обозначало "священная вещь", "священная утварь", "священное творение"; "священный обряд, священнодействие, богослужение", а также "жертвоприношение", "тайны, таинства, мистерии" [Дворецкий, 2003: 680]. Таким образом, данная языковая единица в своих латинских корнях связана с системой знаний и представлений о священных объектах реальной действительности, расположенных на земной поверхности. Однокоренным с ним является прилагательное "*sacer*" ("посвященный", "предназначенный", "священный, святой", "внушающий благоговейное уважение, великий", "магический, таинственный") [Дворецкий, 2003: 679].

В современном русском языке термин "сакральный" означает "культовый, ритуальный" [Катлинская, 2008: 305] "сакра́льный (книжн.)

относящийся к религиозному культу; обрядовый, ритуальный. Сакральный характер танцев. [От лат. sacer – священный]" [Словарь русского языка А.П. Евгеньевой – Т.4, 1988: 14]. Таким образом, слово "сакральный" связано с понятием культа.

Слова "культовый", "культ" уже в самом своем корне имеют непосредственную связь с понятием "этнокультуры". Одна из трактовок связывает термин культ (от лат. cultus) с поклонением (почитанием, заботой) Богу, богам, храмам, святыням или церкви [Воловик, 2013: 27]. Слово "cultus" в латыни обладает множеством значений, среди которых такие, как: "убранство, пышность, великолепие, красота, изящество", "почитание, поклонение, культ, почет, уважение", "вероисповедание" и др. [Дворецкий, 2003: 213]. Сегодня в русском языке слово "культ" в отношении церковно-религиозной, богослужебной семантики означает "религиозное служение божеству и связанные с этим религиозные обряды (Культ Диониса в древней Греции)" [Словарь русского языка А.П. Евгеньевой – Т.2, 1988: 148].

Примечательным является противопоставление сфер "сакрального" и "профанного" (пространство, предметы и пр.). Однако любопытно то, что в лингвистических словарях данное явление (противопоставление) не зафиксировано; более того, словари синонимической и антонимической лексики вообще не дают информации о понятии "сакральное". Тем не менее, во многих работах указывается на данную диаду: «Сакральное обладает благоприятным или неблагоприятным действием и характеризуется противоположными понятиями чистого и нечистого, святого и кощунственного, которые своими границами как раз и обозначают пределы, религиозного мира» [Кайуа, 2003, 166]. Т.В. Кузьмина отмечает, что "весь корпус сакральной лексики в русском языке отражен в двух тематических группах – "Человек Духовный" и "Предметный мир человека". Подобная классификация реализует оппозицию духовный мир – обыденная жизнь [Кузьмина, 2011: 36].

Утверждается, что "сакральное – все то, что относится к культу, поклонению особо ценным идеалам, оно соположено с тайной, таинственностью, невыразимостью и секретностью" [Апрелова, 2012: 133], в то время как "профанное" определяется как нечто противоположное: обычное, никак не помечаемое; явствующее, не нуждающееся в утаивании, сохранении: "сакральное – это фрагмент социальной реальности, выходящий за рамки привычного и обыденного, отраженный в языке" [Кузьмина, 2011: 2011: 13].

Т.В. Кузьмина также отмечает, что "более детализированные словарные дефиниции сакрального дают основания для широкого определения данного понятия" [Там же: 13]. Кроме того, интересно отметить, что ученый указывает на слово "sacer", которое определяется следующим образом: 1) посвященный; 2) священный, святой; 3) обреченный подземным Богам, то есть преданный проклятию, проклятый, гнусный; 4) магический, таинственный [Латинско-русский словарь, 2008: 679].

В словаре атеистических терминов "сакральное" толкуется следующим образом: "1. Вымышленные, наделяемые сверхъестественными качествами существа – персонажи религиозных мифов; 2. Религиозные ценности – вера, "истины" вероисповедания, таинства, церковь; 3. Совокупность вещей, лиц, действий, текстов, языковых формул, зданий и прочее, входящая в систему религиозного культа" [Абдусамедов и др., 1985: 240].

По мнению Н.И. Коноваловой сакральное содержание проявляет себя в различных единицах и может быть передано несколькими способами:

- вербальным (через тексты, сопровождающие священные действия; языковые формулы, связанные с обрядовыми таинствами и т.п.);
- субъектно-объектным (через номинации богов, мистических существ и лиц, имеющих отношение к сверхъестественному);

- акциональным (через ритуальные действия, обряды и т.п.)
- предметным (через вещи; сооружения и другие объекты предметного мира) [Коновалова, 2007: 9].

Таким образом, этимологическая "карта" значений данных языковых единиц позволяет вычленить ряд важных в отношении понятия сакральности элементов действительности, связанных со священным, культово-обрядовым мировоззрением. К ним можно отнести: одежда (наряд, убор); внешнее убранство помещения (предметы, находящиеся в сакральном, почитаемом в качестве святого месте); предметы, символизирующие поклонение, преданность вере, обереги и др. Однако перечень сакральных языковых единиц может быть гораздо шире, поскольку может включать в себя единицы, репрезентирующие особенности русского менталитета (мышления), представлений о религиозности человека, национально-специфичные ассоциаты и другие лексемы.

1.3. Место сакральной лексики в современном русском языке

В истории духовной культуры народа язык и религия, вера в магическое начало жизни занимают особое место. Это древние формы общественного сознания. Язык и религия – это знаковые системы, отражающие окружающую действительность и образ внутреннего мира человека. Язык – универсальное средство общения народа, которое объединяет народ во времени, в географическом и социальном пространстве. Главное свойство человеческого общества заключается в передаче знания, умений, навыков предшествующего поколения новому поколению. Человек руководствуется не только собственным опытом, но для него важен и опыт других, живших прежде людей, именно поэтому сочетания языкового, этнокультурного и религиозного компонентов являются определяющими в развитии сакральных сем в языке.

Языковых единиц, связанных со сферой религиозных таинств, обрядов, образом жизни религиозного человека, верованиями, культурно-мифологическими представлениями и пр., необозримо много. Это связано с рядом факторов. Во-первых, следует указать на экстралингвистический фактор, который сводится к тому, что для каждого индивидуума охват предметов сакрального характера – то есть святого, неприкосновенного, тщательно охраняемого – может быть достаточно широк. Среди них могут быть объекты, относящиеся исключительно к жизнедеятельности церкви, либо даже ряд бытовых предметов.

По мнению Т.В. Кузьминой ассоциирование является важнейшей составляющей сакральной структуры [Кузьмина, 2011], то есть сакральные элементы могут представлять собой мифологемы – любые национально обусловленные или индивидуально сформировавшиеся представления о каком-либо предмете действительности. Автор приводит в качестве примера лексему "мед", указывая, что данная языковая единица имеет сему сакрального характера "священная еда", кроме того, мелиоративные коннотации данной языковой единицы репрезентируются в целом ряде ассоциатов [Кузьмина, 2011], имеющих в русской языковой картине мира (вкус, чаша, запас, сладкий и др. [Русский ассоциативный словарь, 2002: 413-414]. Лексема "мед" имеет сему "душевная сладость"; данная сема репрезентирована, к примеру, в структуре фразеологизма "медовый месяц", который основан на метафоризации ("первый месяц после свадьбы сладкий и приятный") [Фразеологический словарь русского языка, 2007: 398]. Можно говорить о том, что сокровенно-личное, интимное также относится к сфере сакрального. К примеру, к сфере сакрального возможно отнести языковые единицы, обозначающие части тела человека (соматизмы), связанные с таким таинством, как рождение ребенка – "лоно", "чрево", "утроба".

Таким образом, сакральное значение языковой единицы – это дополнительное содержание слова, которое накладывается на его основное

значение и выражает как положительную, так и отрицательную оценку, которая создается коннотациями слова и отражает национальную неповторимость языка: «Уникальность любого национального языка в очень большой степени проявляется именно в том, что коллективное языковое сознание по-разному распределяет относительно универсальный набор эмоциональных оценок по концептам языка, изначально никак не связанным ни с оцениваниями, ни с эмоциями» [Корнилов, 2003, 235].

Таким образом, мы наблюдаем, что сакральные предметы имеют отражение в языке в виде широкого по своему составу пласту лексики. При этом дело с определением границ корпуса данной лексики обстоит достаточно сложно. Кроме того, языковые единицы обладают таким свойством, как полисемантичность: каждая лексема может иметь как сакральное значение, так и не связанное с религиозной сферой или значение, необусловленное национальными представлениями о данном предмете как о священном, волшебном, таинственно-магическом и пр.

Сакральная лексика связана прежде всего с жизнью духовной, внутренне, с религиозностью человека и его представлениями о ней. Сакральная лексика организуется вокруг таких лексико-тематических ядер, как "церковь", "религия", "религиозный обряд". Учеными предлагаются самые различные перечни данного типа языковых единиц. Это обусловлено, в первую очередь тем, что исследователи по-разному понимают суть сакральной лексики – то, что именно она должна выражать. Так, среди слов, относящихся к религиозной тематике, предлагаемых исследователями, имеют место так называемые "религионимы" ("религионим – это слово или составное наименование (устойчивое сочетание) религиозной сферы употребления, являющееся обозначением конфессионального понятия (в другой понятийной системе – термин конфессионального характера)" [Михайлова, 2004]; [Горюшина 2002]. А.К. Моросо-Флорес также использует

данный термин при классификации религиозной лексики [Моросо-Флорес, 2012].

С.В. Булавина к религиозной лексике относит единицы, называющие "основные христианские понятия, большая их часть представлена в Библии – основном источнике христианского вероучения. Данные языковые единицы Е.С. Худякова именует библеизмами [Худякова, 2007: 227], то есть "имена, устойчивые выражения, цитаты, связанные с образами и сюжетами Библии" [Глинкина, 2000: 12], к примеру, "фразеологизмы, образованные от имен библейских персонажей или географических названий (поцелуй Иуды, каин, ирод, содом и гоморра и т. д.); фразеологические сочетания, отражавшие реалии библейского сюжета (казни египетские, соломоново решение, умыть руки, зарыть талант в землю) или древнеиудейской истории и быта (внести лепту, фарисей, молох, бросить камень); цитаты из проповедей Христа (блаженны нищие духом, бесплодная смоковница) и т.д." [Библеизм // Литература и язык, 2006]. Однако, следует отметить, что лексика, имеющая отношение к сфере религии выходит за рамки данного перечня.

Кроме того, некоторые ученые предлагают разделять церковную и религиозную лексику. К примеру, С.В. Булавина считает, что религиозная лексика не соотносится с материальной стороной жизни церкви, в этом ее главное отличие от церковной лексики" [Булавина, 2003: 9]. Мнение О.Н. Емельяновой, представленное в ее исследовании церковной лексики на основе Малого Академического словаря, близко с вышеизложенным [О.Н. Емельянова, 2000: 101]. Ученый выделяет 87 наименований, относящихся к церковной тематике. Хотя следует отметить, что в данный перечень входят как слова материальной, так и духовной культуры (ср., например, "кропильница", "купель" и "поучение").

В то же время подобные утверждения кажутся весьма спорными, так как все, что связано с церковью, входит в понятие религиозного. Согласно утверждению А.М. Четыриной, "Церковная лексика является частью

религиозной лексики как более широкого семантического объединения" [Четырина, 2010: 107]. Сопоставление дефиниций понятий "религия" и "церковь" позволяет говорить о том, что понятие "религиозная лексика" является семантически более емким, поскольку объединяет совокупность лексем, обозначающих понятия всех религий мира (современных и древних, традиционных и нетрадиционных); понятие "церковная лексика" объединяет совокупность лексем, обозначающих понятия какого-либо одного религиозного направления (по определению словаря Ожегова и Шведовой) или одного из христианских направлений (по определению словаря Ушакова). Таким образом, церковная лексика является органичной частью религиозной лексики [Якимов, 2011: 75].

Отметим также и то, что отнесенность к религиозной лексике исключительно основных христианских понятий считаем ошибочным: христианство является лишь одной из нескольких мировых религий (наряду с исламом, буддизмом, иудаизмом и пр.). И здесь (в составе религиозной лексики) могут иметь место слова и фразы, обозначающие самые разные понятия (относящиеся к различным конфессиональным прослойкам), например, "благовест", "кафизма", "псалом" (тематика "молитва / песнопение в православной культуре") и т.д.

Отметим, что с точки зрения функционально-стилистического расслоения, весь корпус религиозной лексики русского языка можно разделить на два типа единиц: общелитературная либо стилистически ограниченная лексика, семантико-тематически связанная с областью веры и религиозных обрядов, с культурно-мифологическими понятиями, имеющими отношение к христианской религии (и не только к ней), они могут употребляться в обычной речи, в том числе и разговорной; а также выделяются собственно термины церковной сферы (ср., книжное "непорочный" – девственный, невинный; нравственно чистый" [Кузнецов, 2000: 633] и "аналой" [греч. *analoéon* – подставка для книг] церк. Высокий,

с наклонной поверхностью столик, на который во время богослужения кладутся церковные книги, иконы и т.п." [Там же: 38].

Широкий корпус языковых единиц, относимых к сакральной лексике, представляется неупорядоченным на сегодняшний день. Это связано в первую очередь с недостаточностью выделенных критериев, на основе которых может быть систематизирована данная лексика. Одной из наиболее разработанных нам представляется классификация, базирующаяся на тематическом (семантико-тематическом) признаке.

1.4. Тематические группы сакральной лексики

В основе классификации лексем традиционно лежат принципы «отражающие бинарные, оппозиции, слов: конкретные – абстрактные, коннотирующие – неконнотирующие, позитивные – негативные, относительные – абсолютные» [Суперанская, 1973: 65-141]. Т.В. Кузьмина в своей работе отмечает, что «весь корпус сакральной лексики в русском языке отражен в двух тематических группах – "Человек Духовный" и "Предметный мир человека"» [Кузьмина, 2011: 36]. Первую группу составляет лексика, номинирующая процессы и явления священного порядка, божественного начала. Во вторую же включаются единицы, воплощающие второй компонент оппозиции – мир, окружающий человека (природный) или созданный им самим.

Е.В. Бобырева в исследовании, посвященном религиозной лексике, выделяет несколько большее количество центральных (концептуально значимых) понятий, вокруг которых организуется данный пласт лексики, а именно:

- Субъекты религии; эта группа включает: религиозные институты и их представителей – "церковь", "храм", "приход", "община", "монастырь", "синагога", "мечеть"; "епископ", "архиепископ", "митрополит",

*"архиерей", "настоятель", "мулла", "дьякон", "монах" и др.), агентов религии (различные религиозные течения и их сторонников); религиозные антропонимы (имена известных религиозных деятелей – **"Патриарх Московский и всея Руси", "Иоанн Павел II", "Митрополит Петербургский и Ладожский Владимир", "Муфтий", "имам-хатыб Соборной мечети Казани"** и пр.);*

- Религиозные системы и направления (учения, концепции – **"христианство", "католицизм", "иудаизм", "ислам", "буддизм"**);

- Религиозная философия, (религиозные ценности, принципы и символы – **"вера", "братство", "благоденствие", "спасение", "вечная жизнь"**);

- Религиозные действия (например, **"исповедь", "крещение", "молебен", "омовение", "отпевание", "причастие", "проповедь"** и ряд др.).

Каждая из перечисленных групп «входит составной частью в единое целое, формируя институт религии со своими специфическими особенностями построения и функционирования, выполняемыми задачами и функциями» [Бобырева, 2008: 163]; **"церковь"** представляется как центральный институт религии, религиозная организация со сложной, строго централизованной и иерархизированной системой взаимоотношений между священнослужителями и верующими, осуществляющей функцию передачи и сохранения религиозной информации, организации и координации религиозной деятельности и контроля. Как мы можем видеть, данные понятия в совокупности и их системности можно положить в основу классификации религиозной лексики. Рассмотрим основные предлагаемые классификации лексики, относящиеся к сфере религии.

Интересным представляется вопрос о разграничении религиозной и церковной лексики в плане их функционирования в речи. Так, например, лексика, непосредственно связанная с церковной деятельностью, может быть

ограничена данной сферой употребления. Иначе говоря, мы будем иметь дело с терминами. В этой связи, по нашему мнению, стоит разделять весь пласт религиозной лексики на несколько групп в зависимости от их семантико-функциональной специфики. Таким образом, мы можем говорить о следующих трех типах языковых единиц исследуемого порядка:

- церковной (узкоспециализированной) терминологии, отражающей те или иные конфессиональные понятия (подобные языковые единицы, как правило, фиксируются в словарях специальной лексики либо в толковых словарях помещаются с пометами "спец.", "церк.", "религ.", а также "ист.", "устар." и под.);

- лексике библейской этимологии (имена собственные; понятия и выражения, восходящие к библейским сюжетам);

- общетематической нейтральной лексике, по своей семантике связанной с жизнью и деятельностью института церкви или с религиозной стороной жизни человека, религиозной культурой, вероисповеданием и пр.

Однако, и это деление лексики, связанной с религиозной сферой, не может являться достаточно адекватным и абсолютно корректным, поскольку, к примеру, информация в словарях с течением времени может меняться (мы имеем в виду переход лексики из одной сферы употребления в другую; появление неологизмов в результате семантической деривации, переход лексики из активного запаса в пассивный и пр.).

Согласно точке зрения Н.Б. Мечковской, религиозную лексику следует классифицировать в соответствии с религиозными представлениями человека. Ученым выделяется следующие пять групп религиозной лексики [Мечковская, 1998: 33]:

Рисунок 1.

Однако вышеприведенная классификация Н.Б. Мечковской представляется достаточно общей и не дает конкретных результатов относительно столь необходимой систематизации аккумулировавшейся лексики, относящейся к религиозной сфере.

К.А. Тимофеев (1996), проводя анализ религиозной лексики, говорит о том, что религиозную лексику русского языка можно разделить на следующие группы:

1. Общерелигиозная лексика, то есть единицы, связанные со всеми религиями или, по крайней мере, с большей их частью (например, Бог, вера, воздаяние, грех, добро, душа, зло, молитва и мн. др.).

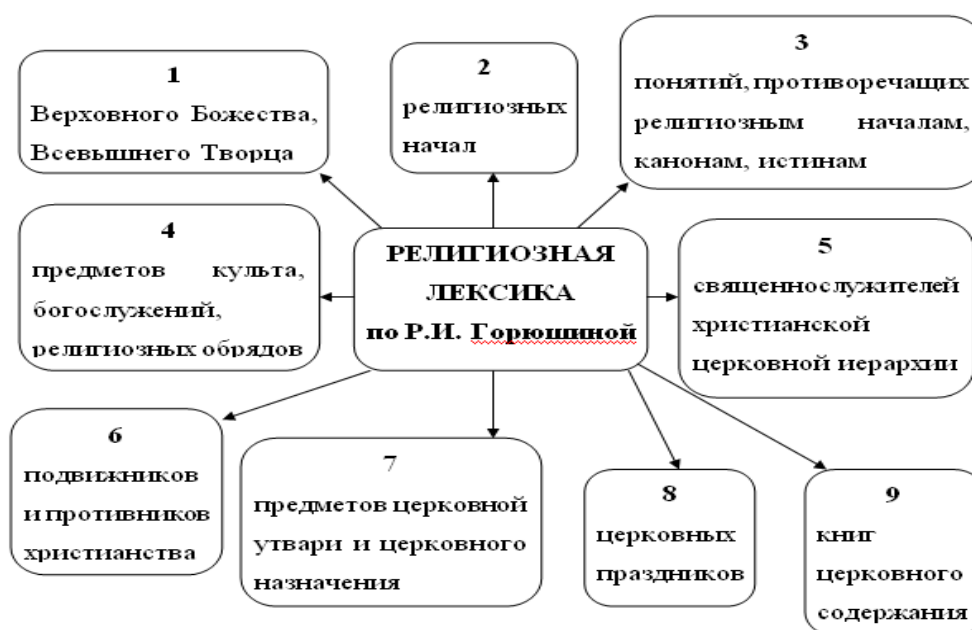
2. Лексические единицы, актуальные только для христианских конфессий (например, апостол, Евангелие, литургия, Святой Дух, Спаситель, Троица, Христос, церковь).

3. Лексика, связанная с отдельными христианскими конфессиями (адвентист, амвон, аналой, баптист, иконостас, кардинал, католичество, месса, пастор, православие, протестантство, тропарь) [Тимофеев, 1996: 68-69]. В то же время данная классификация представляется достаточно общей.

Р.И. Горюшиной в ее работе «Лексика христианства в русском языке (системные отношения прямых конфессиональных и производных светских значений слов)» предлагается более дробная классификация, основанная на предметно-тематическом критерии. Как нам кажется, данная систематизация является не вполне логичной, поскольку некоторые группы единиц можно было перераспределить, как, например, 5 и 6 блока, в которых можно было выделить наименования лиц, связанных с деятельностью церкви в целом (наименования священнослужителей, подвижников, противников христианства и церкви и пр.), так как все эти лица так или иначе связаны с деятельностью церковного института в целом.

Итак, исследователь религиозную лексику делит на девять тематических групп, среди которых наименования верховного Божества, священнослужителей, религиозных начал, предметов культа, богослужения и пр. [Горюшина, 2002].

Рисунок 2.

Классификация, представленная Н.О. Косицыной, кажется нам более логичной. Исследователь предлагает отнести к религиозной более обширный пласт лексики, распределив его на следующие группы [Косицына, 2011]:

Таблица 1.

Классификация религиозной лексики по Н.О. Косицыной

	группа	понятия
	Основные религиозные понятия	душа, дух, вера, грех, святость, рай, ад
	Религиозные убеждения и учения	атеизм, богомолка, богохульство
	Силы света и тьмы	ангел, архангел, небожитель, черт
	Персонажи Священной истории	Ева, Ной
	Обряд и обрядовая деятельность	благовест, духовник, исповедь, ладан
	Культовые, обрядовые сооружения	амвон, храм
	Религиозная топонимика	Голгофа, Эдем

В работе А.М. Четыриной лексика, относящаяся к сфере религиозной культуры, рассматривается с точки зрения антропологии. Исследователь на материале русского языка разрабатывает классификацию, основанную на "взаимоотношениях Бога и человека – человека, верующего в то, что Бог есть, и человека, верующего, что Бога нет" [Четырина, 2008]. А.М. Четырина предлагает достаточно дробную классификацию религиозной лексики, распределяя ее на основе полевых структур: макрополей, микрополей, семантических групп и подгрупп. Это, на наш взгляд, наиболее полная классификация.

Анализ теоретических источников и словарного материала показывает, что к разряду сакральной лексики можно также отнести такие единицы, которые обозначают следующие предметы / явления действительности:

- некоторые продукты питания / еда (например, тот же *мед*), *хлеб и вино* (*Святые Дары* – в православии и католицизме хлеб и вино, ритуально приготовленные священником на литургии), *молоко* (фигурирует в составе фразеологизма "*молоко матери*");

- некоторые соматизмы (например, слова, связанные с появлением на свет ребенка – "*лоно*", "*чрево*", "*утроба*") и других.

Однако, в связи с определением корпуса сакральных единиц закономерно встает вопрос о том, каким образом очертить круг заданных единиц; какие элементы являются показателями сакральной части семантики.

1.5. Маркеры сакральности

Итак, в семантическом плане сакральные единицы языка возможно идентифицировать на основании их отнесенности к тематике / проблематике религиозной, культурно-мифологической и даже бытовой. Они могут быть подразделены на две категории: единицы, именующие объекты материального мира (существующие в действительности предметы или личности), а также духовные явления, сущности, признаки / качества и пр. Однако, так или иначе, данные единицы связаны с верой в Бога и верованиями человека, с объектами, ассоциирующимися со священностью / святостью. Анализ теоретической и словарно-справочной литературы показал, что сакральный компонент значения – это священный, обрядовый, ритуальный, таинственный, магический, сверхъестественный элемент семантики единицы.

Целесообразно задаться вопросом о том, каким образом распознать данный тип лексики в языке или речи. Каким образом очертить круг лексем,

семантика или часть семантической структуры которых относится к сфере религиозного. В то же время не только семантика может связывать языковую единицу со сферой сакрального, священного, высокого. Так, к примеру, Р.А. Иванова указывает на то, что в качестве маркеров сакрального текста могут быть использованы архаичные морфологические формы [Иванова, 2009]. Исследователь среди средств, за счет которых и достигается оппозиция сакрального и профанного текстов, выделяет в том числе "особые морфологические формы", "лексические архаизмы".

Здесь необходимо отметить: общеизвестным фактом является то, что с жизнью церкви в рамках русскоязычной культуры связаны старославянизмы (или церковнославянизмы), которые являют собой устаревший пласт языковых единиц, употребляющихся в современном русском языке с целью выполнения определенных стилистических задач либо в текстах определенной стилистико-функциональной направленности. Старославянизмы являют собой слова, заимствованные из старославянского языка, языка богослужебных книг. Данные языковые единицы, ограниченные в функционально-стилистическом отношении, выявляются на основе анализа словарей, где подобная лексика размещается с определенными пометами.

Н.И. Коновалова указывает, что на сегодняшний день имеет место несколько лексикографических способов отражения сакрального компонента значения слов, к которым исследователь относит энциклопедии быта и духовной культуры, фольклорные сборники, лингвокультурологический комментарий в различного рода словарях (главным образом фразеологических), словари символов и мифологические словари. Сюда же ученый относит научные исследования концептов [Коновалова, 2013: 137-142].

Таким образом, можно говорить о том, что своеобразными показателями категории сакральности, наличествующей в семантической структуре лексической единицы, можно считать следующие:

– фиксация лексической единицы в определенного рода словарно-справочных изданиях, среди которых словари символов, мифологические, лингвокультурологические словари, узкопрофессиональные словари (атеистический, словарь церковных терминов и пр.) и некот. др.;

– тематическая / семантическая / образно-мифологическая соотнесенность с текстами библии (библейские персонажи);

– фигурирование в сакральных текстах;

– словарные пометы в толковых (а также фразеологических, переводных); среди них, к примеру, пометы "спец.", "церк.", "религ.", а также "арх.", "ист.", "устар." и под.). Кроме того, о сакральной части значения могут свидетельствовать такие пометы, как "просторечное", "диалектное", "народно-поэтическое", "народно-разговорное" и под. Так, например, слово **"чертяка"** можно отнести к сфере сакрального на основании того, что оно связано с представлениями о нечистой силе русскоговорящих. Оно помечается в словаре как "прост.", то же, что **"чертяга"**, усилит. к **"черт"**. Или прилагательное **"чертячий"** помечается как "нар.-разг." и означает **"принадлежащий черту, относящийся к черту"** [Кузнецов, 2000: 1476].

1.6. Функционально-семантические изменения в лексике со значением сакральности

Сфера религии как подсистема ценностных единиц занимает важное место в культурной жизни человека. Однако в советское время сфера религии была отодвинута на периферию общественной жизни, а соответствующая ей лексическая парадигма была "законсервирована".

Пребывая под давлением языковой политики, толковый словарь в период советской власти становится проводником государственной идеологии и определяет следующие общие тенденции в отношении сферы религиозного:

- ориентация на редуцирование, трансформацию и в целом вытеснение константных семантических составляющих национальной картины мира, имеющих отношение к сфере веры, вероисповедания, религии, культурно-мифологических понятий;
- стремление к аксиологической поляризации лексики и ее идеологизации, нацеленность на развитие синонимических рядов, закрепляющих идеологические догмы.

Религиозная, в особенности православная лексика, вытесняется из активного употребления, а религиозная составляющая остается за пределами официальной идеологии как общей для носителей языка системы взглядов и идей.

Как отмечает И.В. Бугаева, религиозная лексика в советский период претерпела существенные изменения. Она либо семантически трансформировалась, либо в словарях середины и конца XX в. помечалась как устаревшая, перейдя в разряд историзмов и архаизмов. Подобная тенденция – к изменению стилистической маркированности в политизированном, идеологическом направлении свидетельствует о намеренном выведении церковно-религиозного стиля за пределы системы функциональных стилей литературного языка. Авторами-составителями толковых словарей советского периода реализуется официальное предписание атеистической государственной языковой политики.

Вместе с крахом коммунистической идеологии в общественной жизни нашей страны образовался духовный вакуум, заполнение которого со временем становится важной социальной потребностью. "Апелляции к общечеловеческим ценностям или к национальной идее, теоретически

беспорные, практически оказываются совершенно беспомощными, потому что не встроены ни в какую концепцию общественного развития, способную организовать и наполнить смыслом жизнь миллионов людей" [Майданова, 1999: 172].

Говоря о специфическом "языке" религии, следует указать на то, что с прекращением гонений на религию, активизацией роли Церкви в общественной жизни значительный пласт лексики вернулся к активному употреблению [Бугаева, 2006: 137]. В то же время отмечается неполное возвращение к использованию религиозной лексики. Так, А.М. Четырина указывает, что в толковых словарях современного русского литературного языка по сравнению со словарями прошедших столетий, практически отсутствуют лексемы, обозначающие имена собственные, относящиеся к церковно-религиозной тематике, а именно: имена пророков, библейских персонажей, святых, церковных иерархов, названия икон, храмов, монастырей и т.п. Приводятся только наименования Бога, Богородицы (причем, в толковых словарях конца XVIII – середины XIX в. представлено больше подобных имен собственных, чем в толковых словарях современного русского языка), названия религиозных праздников, церковных книг: Адонаи, Дьвоматерь, Богоотець, Богоотроковица, Воздвижение, Господородительница и др. Это говорит о том, что ранее данный пласт лексики был более востребованным.

Кроме того, многие слова, относящиеся к сфере религии, меняют свой функционально-стилистический регистр. Например, Е.В. Бобырева отмечает в своем исследовании, что многие слова религиозной направленности перешли из религиозной сферы в общеязыковое употребление (например, такие лексемы, как *"рай"*, *"ад"*, *"храм"* и т.п.). Группа религиолектизмов в русском языке открыта к пополнению, так же как и группа слов, перешедших из разряда религиозных терминов в разряд общеупотребительных, в связи с чем есть необходимость исследовать механизмы трансформации значения

данных слов, их синтагматические и парадигматические связи [Бобырева, 2008].

Значительное по своей силе влияние на перестройку общественного языкового сознания оказывают процессы, охватившие русскоязычную лексику православия на рубеже веков. Это объясняется тем, что слова с религиозной семантикой как подсистема ценностных единиц занимают важное место в национальной языковой картине мира.

Таким образом, современным представителям культуры и масс-медиа пришлось осваивать употребление лексики, которая за долгие советские годы была практически вытеснена из языкового сознания большинства носителей русского языка. Лексика Православия существовала в русском языке на периферии как устаревшая (историзмы, архаизмы – для широких масс) или как специальная (для узкого круга специалистов, с одной стороны, и такого же узкого круга православных верующих, с другой). Конечно, актуализация такой лексики в средствах массовой коммуникации в социалистические годы сопровождалась массой ошибок: неправильной постановкой ударения, использованием слов не в том значении, не в тех сочетаниях и т.п. [Кошелева, 2013: 103].

1.7. Основные способы реализации сакральных значений

Динамические процессы, характеризующие современное состояние сакральной лексики русского языка, коснулись, главным образом, плана содержания религионимов. Изменения в лексической семантике происходят в собственно денотативном компоненте лексического значения, в котором модифицируется семная структура значения, что проявляется в процессах расширения, сужения и/или переносов значений. Изменения в прагматическом компоненте лексического значения происходят за счет снятия идеологических наслоений, присутствующих в содержании

соответствующих словесных знаков, а также посредством активизации значения.

Укажем на основные изменения, произошедшие в сфере употребления сакральной лексики. Целесообразно начать с центральных понятий, связанных с религией. Нами были взяты наименования божьей обители – храмов и представителей православия (*"церковь"*), а также главного священного писания (*"библия"*).

"Библия" в современном понимании являет собой некий *"устав"*, *"правила"*, *"свод, кодекс"* (например, моральный) и под., ср.:

- "Этой весной появится новая редакция Правил рыболовства – своеобразной *"библии"* рыболова, в которой собраны все нормативы любительской рыбалки" [КП, 08.04.2011];
- "Эксперты полагают, что внешнеполитическая доктрина президента сохраняет преемственность прежнего курса, но называют документ несколько невнятным, без четкого целеполагания. *"Библия"* для дипломатического корпуса получилась объемистой. И в ней сохранилось немало подходов из предыдущей концепции, утвержденной Владимиром Путиным 28 июня 2000 года" [РБК Daily, 2008.07.16];
- "Спасали разве что "ленточки" информагентств да служебная библиотека издательства "Советский спорт", куда канадская хоккейная *библия* – еженедельник "Hockey News" приходил с многомесячным опозданием" [Советский спорт, 2008.08.29];
- *"Конституция"* – это как *Библия*, если бы все, что там написано, выполнялось, то жили бы мы совсем иначе и лучше бы почитали Основной закон", – полагает полномочный представитель правительства в судебных инстанциях Михаил Барщевский" [РБК Daily, 12.12.2008]; в данном примере конституция (законодательный документ государственного масштаба приравнивается к библии; таким образом происходит некоторое отождествление сферы морали и закона, общественной жизни).

Кроме того, *библия* часто (упоминается в контекстах) употребляется в дистрибуции с языковыми единицами, тематически относящимися к сфере "правонарушения", "преступности", ср. примеры из газет:

- "К ним присоединяется одноглазая девушка со стоянки трейлеров, а позже – ее агрессивный отец с ружьем и Библией. [РБК Daily, 22.03.2011];

- "Например, митрополит Сурожский, русский священник, чьи книги в советское время передавались друг другу тайком, рассказывал, как гимназистом пришел в такой ужас от собственного неверия, что взял в одну руку Библию, а в другую – револьвер со взведенным курком" [Советский спорт, 02.10.2010];

- "Только воевал святой отец не с автоматом, а с Библией" [КП, 14.10.2008];

- "И все-таки на случай отказа у борцов за искоренение Библии уже есть план "Б" [Комсомольская правда, 02.10.2009]; ср. устойчивое и часто используемое на страницах газет сочетание "искоренение преступности";

- "Требования ставропольцев (выдержки из заявления в прокуратуру): 1. Признать Ветхий Завет Библии экстремистской книгой" [Комсомольская правда, 02.10.2009]; см. "экстремизм" в словарях: "приверженность к крайним взглядам и мерам (обычно в политике); как правило выражается в применении силы, агрессии, бандитизме, терроризме, разжигании розни" [Социологический энциклопедический словарь, 2000: 422];

- "То, что ставропольцы решили бороться с Библией только сейчас, хотя она существует уже не один век, тоже имеет свое объяснение" [Комсомольская правда, 02.10.2009].

Кроме того, заслуживает внимание факт, что слово *библия* часто употребляется с определением, выраженным прилагательным с отрицательной коннотацией, ср.:

- "На столике – потрепанная Библия, огарок свечечки и карты таро" [КП, 20.04.2010];
- "Самый сильный человек планеты и кумир советских интеллигентов Юрий Власов в иностранных отелях перед выходом на помост читал русских классиков, брезгливо отодвигая "толстую и равнодушную Библию" [Известия, 11.02.2010].

Таким образом, интерес к главной священной книге всех верующих христиан – библии – необычайно высок. Библию сравнивают с различными явлениями и предметами; так же как и различные предметы современной действительности сравнивают с библией.

В целом же, можно выделить следующие основные особенности, связанные с употреблением слов религиозной семантики в современных светских печатных СМИ.

Слова религиозной отнесенности приобретают переносное значение или фигурируют в нехарактерном (тематически новом, до этого не обозначенном) контексте:

- "Эксперты полагают, что внешнеполитическая доктрина президента сохраняет преемственность прежнего курса, но называют документ несколько невнятным, без четкого целеполагания. "Библия" для дипломатического корпуса получилась объемистой. И в ней сохранилось немало подходов из предыдущей концепции, утвержденной Владимиром Путиным 28 июня 2000 года" [РБК Daily, 2008.07.16];
- "Этой весной появится новая редакция Правил рыболовства – своеобразной "библии" рыболова, в которой собраны все нормативы любительской рыбалки" [КП, 08.04.2011];

- "Спасали разве что "ленточки" информагентств да служебная библиотека издательства "Советский спорт", куда канадская хоккейная библия – еженедельник "Hockey News" приходил с многомесячным опозданием" [Советский спорт, 2008.08.29].

Библия [греч. βιβλία, biblíá – книги] свод священных книг иудейской и христианской религий, состоящий из Ветхого Завета и Нового Завета (признаваемого только христианством) [Кузнецов, 2000: 77]; библия (священное писание) → ("устав", "свод правил", "кодекс", "настолярная книга").

Интересно в этом отношении и употребление слова "епархия":

- "Но стоит кому-нибудь позвонить и сообщить о нависшей над тротуаром опасности, как все пугаются: простите, не наша это епархия..." [КП, 28.12.2010];

- "Каждый занимается своим направлением. Я не занимаюсь вывозом мусора. Это – не моя епархия", – еще раз подчеркнул он. В ответ на замечание журналиста о том, что грязь на побережье вряд ли способствует притоку туристов, Баландюк ответил: "Я не хожу по пляжам и не смотрю: есть бутылки, нет бутылок. Это не моя епархия! Это задача тех, кто вас размещает, а моя – вас привезти" [Новый регион 2, 26.03.2010];

- "Это не моя епархия, но на месте Федерации хоккея России я бы сделал все от себя зависящее, чтобы никто в команде не чувствовал себя обиженным" [Советский спорт, 2010.02.26].

Епархия [греч. eparchía] 1. Церковно-административный округ, находящийся под управлением епископа [БТС-3, 1954: 1264]; → 2. Перен. Ведомство; область деятельности, интересов [Скляревская, 1998: 226]; епархия (админ. единица) → (компетенция, юрисдикция, владения, круг интересов и под.).

Заслуживает внимания смена значения у слов "**икона**" и "**иконостас**", при этом под "иконой" подразумевается не только объект для молитвы

(например, человек, на которого молятся; которому поклоняются как прообразу бога), но и некий **"великий символ"**. В этом смысле слово **"икона"** становится синонимичной слову **"кумир"**, ср.:

- "В одном вашем интервью вы не слишком уважительно сказали: "Неврастеник Боно из раздутой группы U2..." Это о человеке, который для половины планеты – икона?.." [Труд-7, 11.03.2011];

- "Для украинцев он [Тарас Шевченко] не только икона, он – человек, который пробудил их мысль и душу. [Новый регион 2, 10.03.2011].

Также обращает на себя внимание, что слово "икона" начало использоваться в контексте, подразумевающим некую знаковость, эталон в какой-либо области, например, моды, спорта, политики и пр., где часто фигурирует фраза "икона стиля":

- "Когда рядом стоят C-type и появившийся в 1961 году E-type, сразу видно, почему первый ездил в основном по гоночным трекам, а последний быстро стал иконой стиля и подлинным символом 60-х наравне с "Битлз", жевательной резинкой, синими джинсами и рок-н-роллом" [РБК Daily, 04.04.2011];

или, например, в значении "эталон красоты" и под.

- "Она [Джулия Робертс] икона, и мы уверены, что Джулия привнесет в эту роль много своего, сыграет ее, как никто другой", – рассказал Райан Кэвэн, продюсер и генеральный директор компании Relativity Media, разрабатывающей проект. [Труд-7, 11.02.2011].

Ср. в словаре русского языка: "Икона [греч. eikōn – изображение, образ, подобие] живописное изображение Бога или святого (святых), являющееся предметом религиозного поклонения; образ" [Кузнецов, 2000: 387].

Или, в современных СМИ, **"икона"** = **"пример, образец"** (при этом в новой семантической структуре слова "икона" на первый план выдвигается сема "известность лица"):

- "Раньше по части неадекватности у нас была одна икона: Чацкий мог сказать все, что в голову взбредет" [КП, 18.02.2011].

- "Он – икона "Энфилда", легенда, но он не волшебник. [Петров А. Возвращение короля // Советский спорт, 2011.01.18].

Слово "иконостас" начало употребляться в значении, близком одного из значений слова "панель": 4. Спец. Часть установки, агрегата, прибора, на которой монтируются приборы контроля и управления. Приборная панель. Панель автопилота" [Кузнецов, 2000: 778], ср., например:

- "Перед взором "пилота" представлен целый иконостас приборов, кнопок и тумблеров, с помощью которых можно управлять различными системами..." [КП, 19.05.2009].

"Иконостас" также может употребляться и в значении "собрание / коллекция ценных предметов":

- "К внушительному "иконостасу" наградных планок Маршала на его парадном кителе теперь прибавилась еще одна – на четвертом десятке я сбился со счета" [КП, 08.11.2009].

Представляется интересным, что многие слова, относящиеся к религиозной лексике, переходят из сферы церковной деятельности в спортивную. Так, мы можем наблюдать употребление множественных слов в нехарактерном для них контексте, характеризующем мир спорта (его участников, атрибуты и пр.), ср., например, использование таких слов, как "библия", "икона", "иконостас" и пр.:

- "Спасали разве что "ленточки" информагентств да служебная библиотека издательства "Советский спорт", куда канадская хоккейная библия – еженедельник "Hockey News" приходил с многомесячным опозданием" [Советский спорт, 29.08.2008];

- "Овечкин впервые в нашей истории получил "Харт Трофи" (самый ценный в НХЛ), до кучи взял еще три приза, завоевал золото чемпионата мира. Кто еще может похвастаться таким иконостасом?"

Клятвенно обещаем, что и дальше будем следить за каждым шагом Александра Великого" [Советский спорт, 08.10.2008]; здесь подразумевается коллекция наград (так называемая "стена славы" спортсменов, которой именуется собрание наград (всех или наиболее ценных) в доме или ином месте (помещение или его часть, где размещаются награды);

- "Кроме, пожалуй, чемпионского иконостаса, украшающего один из лестничных пролетов" [Советский спорт, 22.05.2010];

- "Эмблема неприметно висит с торца, вход – со двора. Внутри все очень скромно, зато иконостас (коллекция маек – см. фото) на зависть любому российскому клубу, один Глеб с Кутузовым чего стоят!" [Советский спорт, 21.10.2008]; в данном случае речь идет о коллекции (наиболее ценных) элементов спортивной амуниции;

- "Локомотив" перед матчем с "Тереком" лишился доброй половины своего "иконостаса" – из-за травм не могли сыграть культовые игроки железнодорожного клуба: Сычев, Торбинский и Билялетдинов" [КП, 19.05.2009]; т.е. под иконостасом в современной действительности понимается группа наиболее именитых, мастеровитых и значимых для команды игроков (именуемых в спортивном мире "легионерами");

- "И даже не приехавшие джазовый гуру Дэйв Брубек и польский композитор Кшиштоф Пендерецкий, при жизни пребывающий в статусе великого, не сильно обеднили общий фестивальный иконостас" [Кухаренко Илья. В Сочи прошел фестиваль Юрия Башмета // Труд-7, 2010.02.27]; здесь также подразумевается некое "собрание" / "группа" именитых людей.

ГЛАВА II. ЛЕКСИКА С САКРАЛЬНОЙ СЕМАНТИКОЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ И СИНХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ

В настоящей главе нами анализируются лексические единицы, обладающие сакральной семантикой. К их разряду можно отнести достаточно большой перечень языковых единиц. В качестве опоры при отборе лексем мы опирались на данные толкового словаря русского языка конца XX в. под ред. Г.Г. Складчиковой и семантического словаря русского языка Н.Ю. Шведовой, в которых зафиксировано более 400 языковых единиц сакральной семантики. Однако, как покажет дальнейшее исследование, данный перечень не может быть признан абсолютно полным. В качестве одной из задач, поставленных нами в данной главе, является определение корпуса языковых единиц сакральной семантики, относящихся к некоторому предметно-тематическому классу.

Основной задачей явилось исследование особенностей употребления сакральной лексики на страницах современных публицистических изданий, среди которых такие, как "Российская газета", "Независимая газета", "Аргументы и факты" и ряд других, а также ресурс "Национального корпуса русского языка". Для анализа нами были взяты преимущественно издания федерального уровня, тематически не ориентированные (ориентированные на самую широкую аудиторию) издания. Такой подбор периодических изданий обеспечивает, на наш взгляд, наибольшую репрезентативность текстового материала для оценки состояния газетного языка современности, обеспечивает объективность исследования.

Анализируемые языковые единицы были выявлены методом сплошной выборки. Поскольку количество публикаций трудно исчислимо, а состав лексики с сакральной семантикой достаточно велик и на сегодняшний день окончательно не определен, в рамках настоящей работы не представляется

возможным исследовать специфику использования сакральной лексики во всем ее многообразии. В этой связи мы были вынуждены ограничиться рассмотрением определенного тематического круга языковых единиц, в частности, наименования предметов, связанных с богослужением: предметы культового поклонения, предметы, символизирующие поклонение, преданность вере, обереги.

Такой выбор обосновывается тем, что, на наш взгляд, интересным и научно значимым представляется рассмотрение того, насколько сильно претерпели изменения или не изменились представления современного представителя русскоязычной культуры о предметах поклонения, о тех реалиях, которые символизируют для человека его сакральные, скрытые от посторонних аспекты.

Общеизвестно, что в древние времена представители славянской народности прочно верили в высшие силы, а после принятия крещения Русью, вера в Бога-спасителя стала прибежищем людей, гарантом защиты от скрытых, неизвестных и необъяснимых сил. Человек находил в природе и в быту какие-либо знамения, символы, толкуя их как связывающие элементы с божественным провидением, с наивысшей силой и представляя в них некий защитный механизм. Находя предметы, реализующие согласно религиозным представлениям связь с божественной силой, люди пытались тем самым приблизиться к светлomu, доброму, великому, сохранив тем самым себя, свое тело и дух, свой род, свое имущество и пр. В результате многовековой традиции верования и поклонения одним и тем же предметам, данные объекты культа обросли множественными преданиями, верованиями, представлениями, обрели с одной стороны монументальную, а с другой – определяемую конкретным случаем символику.

Анализируя языковые единицы, сохраняющие сегодня сакральную семантику, в современном их употреблении, мы попытаемся определить,

насколько такая сфера сакрального, как культ / поклонение, «обросла» новыми смыслами, приобрела дополнительные оттенки значения.

Примечательным является то, что русский семантический словарь не дает полной картины о составе обрядово-культовой лексики, а также наименований русских традиционных талисманов / оберегов. В то же время и ассоциативные словари не могут являться достаточной базой для исследования лексики, обозначающей оберегающие предметы, объекты культового поклонения. В этой связи в первую очередь необходимым представляется выявить корпус данных языковых единиц.

2.1. Сакральная лексика, обозначающая предметы культового поклонения и символизирующие веру

Согласно семантическому словарю русского языка, а также статьям толковых словарей русского языка, среди лексических единиц сакральной семантики выделяется ряд слов, например, единицы, обозначающие предметы, связанные с богослужением, с культовыми обрядами и устройством храма, облачение служителей культа. Сюда же относятся наименования храмовых благовоний, культовой пищи, пищи мифических богов, библейских героев и пр. Кроме того, отметим, что единицы, входящие в исследуемый нами корпус, относятся в своем большинстве к культурно-религиозной сфере христианской веры. То есть в данный перечень не входят лексемы, имеющие отношение к вере и религии иных конфессий (меньшее количество – предметы языческой культуры); в этой связи такие наименования, как "полумесяц" (изображение лунного серпа как символ мусульманства), обнаруженные в семантическом словаре, нами не рассматривались.

Такой лексический элемент, как "власяница" (носимая на голом теле грубая волосяная одежда монаха-отшельника, ведущего аскетическую жизнь)

мы посчитали необходимым исключить из исследуемого корпуса единиц, поскольку целесообразнее включить данную лексему сакрального характера в тематическую группу "одежда" / "одевание".

Также нами не рассматривались фразеологизмы, к примеру, выражение "*Святая вода*" является оберегом и сильным, действенным средством от сглаза, различных проявлений мира зла, однако данное выражение нами не рассматривалось, поскольку оно не является лексемой.

Определение перечней какой-либо предметно-тематической области представляется сложным. Главным образом это связано с тем, что одна и та же лексическая единица может входить в различные тематические группы. Так, например, слова "именины" (день памяти святого, имя которого было дано христианину при крещении) и "святцы" (у верующих: список святых и праздников в календарном порядке) могут входить в одну тематическую группу "христианские праздники", помимо этого, обе эти единицы способны относиться и к другой предметной области ("святые" / "наименования святых").

Основное внимание в нашей работе сосредоточено на исследовании лексики, именующей предметы поклонения и символизирующие преданность вере: "божок" (небольшой языческий идол); "идол" (предмет, которому поклоняются как божеству – обычно фигура человека или животного, деревянная или каменная); "истукан" (языческий божок, идол); "кумир" (то же, что истукан); "мощи" (церковная святыня – высохшие останки людей, почитавшихся как святые); "тотем" (в родовом первобытнообщинном строе: обожествляемое животное (иногда растение, явление природы, предмет), считающееся предком рода); "фетиш" (у первобытных народов обожествляемый предмет); "алтарь" (место религиозного поклонения), "святыня" (предмет или место религиозного поклонения); "вериги" (металлические цепи на теле религиозного фанатика-подвижника и аскета); "икона" (у православных и католиков: предмет

поклонения живописное изображение Бога, Божьей Матери, святого, святых, сцен из Священного Писания и пр.); "образ" (то же, что икона); "образок" (маленький образ, иконка); "панагия" (у епископа, патриарха: небольшой округлый нагрудный образ с изображением Иисуса Христа или Божьей Матери, обрамленный драгоценными камнями); "крест" (символ христианского культа – предмет в виде узкой длинной планки с перекалиной под прямым углом или с двумя перекалинами); "ладанка" (маленький мешочек с каким-н. предметом, записью заговора, первоначально с ладаном, носимый на груди как талисман); "четки" (шнурок с бусинами или узелками, употр. верующими для отсчитывания поклонов во время молитвы и самих прочитанных молитв); "амулет" (предмет, приносящий его обладателю счастье, удачу); "оберег" (устар. и спец., предмет, оберегающий, охраняющий от чего-н.); "талисман" (предмет, обычно носимый на шее, приносящий его обладателю счастье, удачу, охраняющий от чего-либо, амулет) [Русский семантический словарь, 1998: как указать страницы].

К перечню русского семантического словаря отнесем также такие наименования данного тематического класса, как "иконостас" (покрытая иконами стена, отделяющая алтарь в православном храме); а также лексему "лик" (изображение лица святого), выступающую в качестве синонима к словам "икона" и "образ".

Отмечаем отсутствие в словарях и таких наименований, как:

- синонимичные слова к лексеме "крест", а именно "крестик" (уменьшительно-ласкательное к слову "крест"; небольшой крест), "распятие" (крест с изображением распятого Иисуса Христа). Также считаем необходимым отнести к данному перечню лексему "святой". Предложенное нами толкование данной лексики отсутствует в словарях русского языка, однако, данная языковая единица способна употребляться в качестве субстантивированного прилагательного, обозначающего какой-либо святой, священный, дорогой сердцу предмет; святое – это нечто возвышенное,

выходящее за рамки обычного, освященное и неприкосновенное, ср., например, контексты: "Семья – это святое, утверждал он, и Катя не могла с ним не соглашаться" [Людмила Улицкая. Пиковая дама (1995-2000) // НКРЯ]; "Высокое и святое в мечте становится в словах мечтателя пошлым и жалостно-мелким" [И.Ф. Анненский. Вторая книга отражений (1909) // НКРЯ]. Данная языковая единица является очень широкозначной в отношении сакрального пространства. "Святым" может именоваться любой объект действительности: сакральный или несакральный, например, какой-либо бытовой предмет, служащий индивидуальным амулетом / оберегом, какое-либо занятие, событие и пр.

К этому же корпусу единиц можно отнести и такую группу единиц, которая обозначает традиционные обереги русских. В семантическом словаре зафиксировано только три общих наименования: "амулет", "оберег", "талисман", однако к данному перечню можно прибавить следующие единицы: "апотропей" (археол., этногр. предмет или изображение, которому приписывалась сверхъестественная способность отгонять злых духов), "заговор", "молитва", "подкова", "хризма", "чертогон", "чертополох".

С незапамятных времен русские люди верили, что посредством сильных заговоров или оберегающих молитв они смогут защитить себя и семью от негативной энергии. Даже в наши дни эзотерики говорят о том, что слова и мысли могут быть материальными. Древние верили, что если изо дня в день повторять определенную молитву-оберег и настраивать себя на благополучие, то оно непременно придет.

Если верить русским древним обычаям, заговор способен оберегать человека. На Руси существовало множество оберегающих и защищающих заговоров. Например, защитные обряды и заговоры от сглаза и порчи защищают любого человека от внешнего воздействия не только магии, но и дурного глаза, зависти и ненависти. Однако все разнообразие заговоров было куда шире, поскольку древние защитить хотели не только себя, но и близких,

свой дом, имущество и пр. Так, в национальной русской культуре выделялись заговоры-обереги, сохранные слова для опасных ситуаций, заговоры на защиту дома (заговор-оберег от воров), от незваных гостей, заговор от опасностей и др.

Молитва также считалась сильным средством, способным уберечь человека или его имущество. Вера в бога была мощным оружием противостояния всему дурному. В православии существует множество различных молитв, направленных на то, чтобы защититься от злых сил и негативных посылов: оберегающая молитва от злобы и тоски, оберегающая молитва от приворотов и сглазов и пр.

Подкова считается символом удачи. Подкова притягивает быстрый успех, деньги и пр. Согласно древним славянским поверьям, подкову вешали в доме, у двери. При входе в дом со стороны улицы подкова вешается рожками вниз. По поверью злой дух от входящего попадает в чашу подковы, но выбраться не может, так как стремится вверх, а наверху – железо. Другое поверье гласит о том, что если подкова прибита рожками вниз, то неудача стекает по подкове и не накапливается. Зафиксирована сакральная, магическая семантика слова "подкова" и во фразеологическом словаре: "класть на подкову" (Смол. Дарить что-л. невесте на свадьбу); "Найти подкову" (Волг. О везении, неожиданной удаче) [Мокиенко, Никитина, 2007: 510].

Хризма представляет собой монограмму имени Христа, которая состоит из двух начальных греческих букв имени (знак, состоящий из трех равносторонних пересекающихся линий, с буквой Р наверху, и греческими буквами Α (Альфа) и ω (Омега) по бокам). В среде славянских народов древнехристианская хризма приобрела новый смысл, став символом Боговоплощения или Рождества Христова, по первым буквам, – "Р" и "Х" – его славянского написания. Этот символ, согласно славянским верованиям, является мощным оберегом.

Заслуживают внимания еще два предмета, имеющие отношение к славянской культуре – чертогон и чертополох. Чертогон (от двух корней – "черт" и "гнать") представляет собой травянистое колючее растение семейства сложноцветных. Основным назначением чертогона, согласно народным верованиям и магическим представлениям славян, а также согласно его названию, – это "гонять чертей", то есть изгонять нечистую силу, а также охранять жилище и самого человека от всякого зла, порчи, сглаза. В некоторых источниках можно найти упоминания об обряде создания оберега с помощью чертогона, для чего эту траву на семь святочных ночей клали под подушку, на восьмую доставали, выжимали сок и т.д.

Чертополох – растение, которое использовалось славянами в ритуальных целях. Само слово "чертополох" происходит от "черт" и "полох" ("полошить"). Это колючее растение применяют для окуливания хлебов, чтобы охранить скотину от нечистой силы и болезней" [Фасмер, 1987: 348]" ср. "всполохнуть – вспугнуть" [Преображенский, 1914: 98]. Таким образом, чертополох в древнем славянском языке обозначает "всполошить, отпугнуть черта", он представляет собой универсальное защитное растение, которое не подпустит к своему обладателю нечистую силу в любом ее проявлении. Это растение издревле используется как оберег для жилья и человека.

Необходимо указать и на то, что единицы исследуемого корпуса могут входить в состав фразеологических оборотов русского языка, которые по своей семантике могут относиться к сфере сакрального. Так, например, лексема "крест" обладает религиозной семантикой; поскольку данная лексическая единица участвует в образовании множества фразеологизмов, характеризующих религиозные представления русского человека, мы можем говорить о том, что круг сакральных единиц может быть значительно расширен, ср.: "идти на крест" (книжн.) – быть готовым принять страдания, муки [по старинному виду казни – распятию на кресте]; "нести свой крест"

(книжн.) – покорно принимать то тяжелое, что выпало на долю [по евангельской притче об Иисусе Христе, который сам нес свой крест для распятия на Голгофу]; "креста нет на ком" (разг.) – о бессердечном, жестоком человеке"; "вот те крест!" (прост.) – клятвенное заверение в истинности сказанного [Мокиенко, Никитина, 2007: 328-329] и ряд других.

Как указывает Т.А. Кузьмина, на определение сакрального элемента семантики лексемы может повлиять обнаружение двух факторов: фигурирование в составе фразеологических единиц и функционирование в библейском контексте ("сакральные семы в большинстве своем имеют религиозную маркированность, наследуемую из библейских текстов, где отмечается ее функционирование" [Кузьмина, 2011: 66]). Так, к примеру, исследователь указывает, что русское слово "мед" образует широкое сакральное семантическое поле положительной оценки, так как мед занимает важное место в жизни славян; данная единица обладает сакральной семантикой, поскольку выражение "медовый месяц" связано, во-первых, с таинством брака, во-вторых, относится к интимным, сокровенным моментам жизни человека, помимо этого, согласно словоупотреблениям этой лексемы в текстах священного писания, данная единица реализует такие сакральные семы, как "священная еда", "символ бессмертия и возрождения" и пр. [Кузьмина, 2011: 66].

Предполагается, что соблюдение второго условия (фигурирование в библейском контексте) является также необходимым. Например, в русском языке имеется фразеологизм "святое дело" (часто может употребляться в варианте с инверсией "дело святое"). В этой связи лексема "дело" может быть истолкована в определенном контексте как сакральная. Однако, слово "дело", обладающее весьма разветвленной семантической структурой, не обозначено в контексте священного писания. В этой связи данную языковую единицу к сакральным отнести не представляется возможным.

Итак, попытаемся проследить, каким образом трансформируется отношение к сакральному в современном социокультурном контексте на материале, представляющем собой словоупотребление некоторых лексем, относящихся к определенной предметно-тематической области. В качестве основы для анализа нами взят следующий корпус единиц: "алтарь", "амулет", "апотропей", "божок", "верес", "вериги", "заговор", "идол", "икона", "иконостас", "истукан", "крест", "крестик", "кумир", "ладанка", "лестовка", "лик", "молитва", "мощи", "оберег", "образ", "образок", "панагия", "подкова", "распятие", "святое", "святой", "святыня", "талисман", "тотем", "фетиш", "хризма", "чертополох", "четки".

Данный перечень, безусловно, может быть продолжен. Изучение словарно-справочной литературы культурно-мифологической, религиозно-исторической направленности предоставляет широкие возможности для пополнения данной тематической рубрики сакральной лексики русского языка.

Определение перечней какой-либо предметно-тематической области представляется сложным. Главным образом это связано с тем, что одна и та же лексическая единица может входить в различные тематические группы. Так, например, слова "именины" (день памяти святого, имя которого было дано христианину при крещении) и "святцы" (у верующих: список святых и праздников в календарном порядке) могут входить в одну тематическую группу "христианские праздники", помимо этого, обе эти единицы способны относиться и к другой предметной области ("святые" / "наименования святых").

Основное внимание в нашей работе сосредоточено на исследовании лексики, именующей предметы поклонения и символизирующие преданность вере: "божок" (небольшой языческий идол); "идол" (предмет, которому поклоняются как божеству – обычно фигура человека или животного, деревянная или каменная); "истукан" (языческий божок, идол);

"кумир" (то же, что истукан); "мощи" (церковная святыня – высохшие останки людей, почитавшихся как святые); "тотем" (в родовом первобытнообщинном строе: обожествляемое животное (иногда растение, явление природы, предмет), считающееся предком рода); "фетиш" (у первобытных народов обожествляемый предмет); "алтарь" (место религиозного поклонения), "святыня" (предмет или место религиозного поклонения); "вериги" (металлические цепи на теле религиозного фанатика-подвижника и аскета); "икона" (у православных и католиков: предмет поклонения живописное изображение Бога, Божьей Матери, святого, святых, сцен из Священного Писания и пр.); "образ" (то же, что икона); "образок" (маленький образ, иконка); "панагия" (у епископа, патриарха: небольшой округлый нагрудный образ с изображением Иисуса Христа или Божьей Матери, обрамленный драгоценными камнями); "крест" (символ христианского культа – предмет в виде узкой длинной планки с перекладиной под прямым углом или с двумя перекладинами); "ладанка" (маленький мешочек с каким-н. предметом, записью заговора, первоначально с ладаном, носимый на груди как талисман); "четки" (шнурок с бусинами или узелками, употр. верующими для отсчитывания поклонов во время молитвы и самих прочитанных молитв); "амулет" (предмет, приносящий его обладателю счастье, удачу); "оберег" (устар. и спец., предмет, оберегающий, охраняющий от чего-н.); "талисман" (предмет, обычно носимый на шее, приносящий его обладателю счастье, удачу, охраняющий от чего-либо, амулет) [Русский семантический словарь, 1998: как указать страницы].

К перечню русского семантического словаря отнесем также такие наименования данного тематического класса, как "иконостас" (покрытая иконами стена, отделяющая алтарь в православном храме); а также лексему "лик" (изображение лица святого), выступающую в качестве синонима к словам "икона" и "образ".

Отмечаем отсутствие в словарях и таких наименований, как:

- синонимичные слова к лексеме "крест", а именно "крестик" (уменьшительно-ласкательное к слову "крест"; небольшой крест), "распятие" (крест с изображением распятого Иисуса Христа). Также считаем необходимым отнести к данному перечню лексему "святой". Предложенное нами толкование данной лексемы отсутствует в словарях русского языка, однако, данная языковая единица способна употребляться в качестве субстантивированного прилагательного, обозначающего какой-либо святой, священный, дорогой сердцу предмет; святое – это нечто возвышенное, выходящее за рамки обычного, освященное и неприкосновенное, ср., например, контексты: "Семья – это святое, утверждал он, и Катя не могла с ним не соглашаться" [Людмила Улицкая. Пиковая дама (1995-2000) // НКРЯ]; "Высокое и святое в мечте становится в словах мечтателя пошлым и жалостно-мелким" [И.Ф. Анненский. Вторая книга отражений (1909) // НКРЯ]. Данная языковая единица является очень широкозначной в отношении сакрального пространства. "Святым" может именоваться любой объект действительности: сакральный или несакральный, например, какой-либо бытовой предмет, служащий индивидуальным амулетом / оберегом, какое-либо занятие, событие и пр.

К этому же корпусу единиц можно отнести и такую группу единиц, которая обозначает традиционные обереги русских. В семантическом словаре зафиксировано только три общих наименования: "амулет", "оберег", "талисман", однако к данному перечню можно прибавить следующие единицы: "апотропей" (археол., этногр. предмет или изображение, которому приписывалась сверхъестественная способность отгонять злых духов), "заговор", "молитва", "подкова", "хризма", "чертогон", "чертополох".

С незапамятных времен русские люди верили, что посредством сильных заговоров или оберегающих молитв они смогут защитить себя и семью от негативной энергии. Даже в наши дни эзотерики говорят о том, что слова и мысли могут быть материальными. Древние верили, что если изо дня

в день повторять определенную молитву-оберег и настраивать себя на благополучие, то оно непременно придет.

Если верить русским древним обычаям, заговор способен оберегать человека. На Руси существовало множество оберегающих и защищающих заговоров. Например, защитные обряды и заговоры от сглаза и порчи защищают любого человека от внешнего воздействия не только магии, но и дурного глаза, зависти и ненависти. Однако все разнообразие заговоров было куда шире, поскольку древние защитить хотели не только себя, но и близких, свой дом, имущество и пр. Так, в национальной русской культуре выделялись заговоры-обереги, сохраненные слова для опасных ситуаций, заговоры на защиту дома (заговор-оберег от воров), от незваных гостей, заговор от опасностей и др.

Молитва также считалась сильным средством, способным уберечь человека или его имущество. Вера в бога была мощным оружием противостояния всему дурному. В православии существует множество различных молитв, направленных на то, чтобы защититься от злых сил и негативных посылов: оберегающая молитва от злобы и тоски, оберегающая молитва от приворотов и сглазов и пр.

Подкова считается символом удачи. Подкова притягивает быстрый успех, деньги и пр. Согласно древним славянским поверьям, подкову вешали в доме, у двери. При входе в дом со стороны улицы подкова вешается рожками вниз. По поверью злой дух от входящего попадает в чашу подковы, но выбраться не может, так как стремится вверх, а наверху – железо. Другое поверье гласит о том, что если подкова прибита рожками вниз, то неудача стекает по подкове и не накапливается. Зафиксирована сакральная, магическая семантика слова "подкова" и во фразеологическом словаре: "класть на подкову" (Смол. Дарить что-л. невесте на свадьбу); "Найти подкову" (Волг. О везении, неожиданной удаче) [Мокиенко, Никитина, 2007: 510].

Хризма представляет собой монограмму имени Христа, которая состоит из двух начальных греческих букв имени (знак, состоящий из трех равносторонних пересекающихся линий, с буквой Р наверху, и греческими буквами Α (Альфа) и ω (Омега) по бокам). В среде славянских народов древнехристианская хризма приобрела новый смысл, став символом Боговоплощения или Рождества Христова, по первым буквам, – "Р" и "Х" – его славянского написания. Этот символ, согласно славянским верованиям, является мощным оберегом.

Заслуживают внимания еще два предмета, имеющие отношение к славянской культуре – чертогон и чертополох. Чертогон (от двух корней – "черт" и "гнать") представляет собой травянистое колючее растение семейства сложноцветных. Основным назначением чертогона, согласно народным верованиям и магическим представлениям славян, а также согласно его названию, – это "гонять чертей", то есть изгонять нечистую силу, а также охранять жилище и самого человека от всякого зла, порчи, сглаза. В некоторых источниках можно найти упоминания об обряде создания оберега с помощью чертогона, для чего эту траву на семь святочных ночей клали под подушку, на восьмую доставали, выжимали сок и т.д.

Чертополох – растение, которое использовалось славянами в ритуальных целях. Само слово "чертополох" происходит от "черт" и "полох" ("полошить"). Это колючее растение применяют для окуливания хлебов, чтобы охранить скотину от нечистой силы и болезней" [Фасмер, 1987: 348]" ср. "всполохнуть – вспугнуть" [Преображенский, 1914: 98]. Таким образом, чертополох в древнем славянском языке обозначает "всполошить, отпугнуть черта", он представляет собой универсальное защитное растение, которое не подпустит к своему обладателю нечистую силу в любом ее проявлении. Это растение издревле используется как оберег для жилья и человека.

Необходимо указать и на то, что единицы исследуемого корпуса могут входить в состав фразеологических оборотов русского языка, которые по своей семантике могут относиться к сфере сакрального. Так, например, лексема "крест" обладает религиозной семантикой; поскольку данная лексическая единица участвует в образовании множества фразеологизмов, характеризующих религиозные представления русского человека, мы можем говорить о том, что круг сакральных единиц может быть значительно расширен, ср.: "идти на крест" (книжн.) – быть готовым принять страдания, муки [по старинному виду казни – распятию на кресте]; "нести свой крест" (книжн.) – покорно принимать то тяжелое, что выпало на долю [по евангельской притче об Иисусе Христе, который сам нес свой крест для распятия на Голгофу]; "креста нет на ком" (разг.) – о бессердечном, жестоком человеке; "вот те крест!" (прост.) – клятвенное заверение в истинности сказанного [Мокиенко, Никитина, 2007: 328-329] и ряд других.

Как указывает Т.А. Кузьмина, на определение сакрального элемента семантики лексемы может повлиять обнаружение двух факторов: фигурирование в составе фразеологических единиц и функционирование в библейском контексте ("сакральные семы в большинстве своем имеют религиозную маркированность, наследуемую из библейских текстов, где отмечается ее функционирование" [Кузьмина, 2011: 66]). Так, к примеру, исследователь указывает, что русское слово "мед" образует широкое сакральное семантическое поле положительной оценки, так как мед занимает важное место в жизни славян; данная единица обладает сакральной семантикой, поскольку выражение "медовый месяц" связано, во-первых, с таинством брака, во-вторых, относится к интимным, сокровенным моментам жизни человека, помимо этого, согласно словоупотреблениям этой лексемы в текстах священного писания, данная единица реализует такие сакральные семы, как "священная еда", "символ бессмертия и возрождения" и пр. [Кузьмина, 2011: 66].

Предполагается, что соблюдение второго условия (фигурирование в библейском контексте) является также необходимым. Например, в русском языке имеется фразеологизм "святое дело" (часто может употребляться в варианте с инверсией "дело святое"). В этой связи лексема "дело" может быть истолкована в определенном контексте как сакральная. Однако, слово "дело", обладающее весьма разветвленной семантической структурой, не обозначено в контексте священного писания. В этой связи данную языковую единицу к сакральным отнести не представляется возможным.

Итак, попытаемся проследить, каким образом трансформируется отношение к сакральному в современном социокультурном контексте на материале, представляющем собой словоупотребление некоторых лексем, относящихся к определенной предметно-тематической области. В качестве основы для анализа нами взят следующий корпус единиц: "алтарь", "амулет", "апотропей", "божок", "верес", "вериги", "заговор", "идол", "икона", "иконостас", "истукан", "крест", "крестик", "кумир", "ладанка", "лестовка", "лик", "молитва", "мощи", "оберег", "образ", "образок", "панагия", "подкова", "распятие", "святое", "святой", "святыня", "талисман", "тотем", "фетиш", "хризма", "чертополох", "четки".

Данный перечень, безусловно, может быть продолжен. Изучение словарно-справочной литературы культурно-мифологической, религиозно-исторической направленности предоставляет широкие возможности для пополнения данной тематической рубрики сакральной лексики русского языка.

2.2. Функционально-семантические особенности языковых единиц, обозначающих поклонение и символизирующие веру

Большая часть единиц исследуемого корпуса лексем продолжают сохранять сакральную семантику. В особенности это относится к языковым

единицам, для которых характерно использование преимущественно в рамках церковно-религиозной тематики. Это, как правило, единицы, не имеющие общелитературных или переносных значений, характеризующиеся как специальная (церковная / религиозная) лексика, например, ("ладанка", "панагия" и пр.).

Ладанка – др.-русск., образованное от той же основы, что и *ладан*. *Ладан* – Из греч. *λάδανον* «смола кустарника *λῆδος*» семит. происхождения: ср. араб. *lādan*; *ладанка* «сумочка с ладаном на шее, амулет» [Фасмер, 1986, 447].

В Библии данная лексема репрезентирована в значении «святыни»: «Мне мой мілы – як ладанка зь мірай; начуе ў мяне на грудзях» [Песня песней, 1: 13//bibleonline.ru/bible/bel/22/01/]; в «Словаре церковно-славянского и русского языка» смысловая структура лексемы *ладанка* представлена уже следующими значениями:

1. Мешочек с церковным ладаном или с какою-либо святынею, носимый на шее вместе с крестом; 2) Курильница с горячими угольями, на который сыплют мелкий ладан и ставят к иконам [Словарь церковно-славянского и русского языка, 1847: Т.2, 245].

Во внутренней семантике лексемы в XIX веке мы наблюдаем расширение спектра содержательных характеристик: обрядовый, ритуальный, таинственный, магический, сверхъестественный:

Ладо́нка = названіе имѣеть отъ ладона, который суевѣрные люди вшивають въ небольшой мѣшочекъ и носятъ при себѣ, повѣсивши ее на шеѣ для предохраненія, особливо младенцевъ, отъ бѣсовъ, отъ внезапныхъ случаевъ, болѣзней и другихъ влключеній (греч. *περίαιμα* *περίαικτον*, *ἀποτρόχαιον*, *ἀλεξήτριον*, по лат. *amuletum*, по славян. хранильная (мн. ч. числа) *наузы*, *вязала*). *Правосл. исповѣд. вѣры*. Такіе амулеты въ употребленіи были у восточныхъ народовъ и состояли не только въ ладонкахъ, но и въ разныхъ таинственныхъ словахъ и надписяхъ, въ лѣкарствахъ и другихъ вещахъ, коимъ приписывали особенную мѣкую силу къ прогнанію недуговъ, къ отвращенію всякихъ воль, къ произведенію удивительныхъ дѣйствій и къ предсказанію будущихъ случаевъ (См. подробнѣе въ *Слов. Алекс.*).

[Дьяченко, 1900: 278]

Семантическая структура слова *ладанка* в середине XX века представлена значениями: (ладонка неправ.), ладанки, ж. 1. Сумочка, маленький Мешочек с ладаном или каким-н. талисманом, который носили на груди и которому приписывали магическую силу, охраняющую от зла (религ.). || Мешочек с каким-н. средством от паразитов, носимый на теле (разг.). с нафталином. 2. Горшочек, в к-ром жгут ладан; курильница (обл.). [Ушаков], а в конце XX века отмечается определенное сужение значений, 2 ЛСВ не фиксируется: «Носимый на груди мешочек с ладаном, талисманом или записочкой с заговором, молитвой для предохранения от беды, зла» [Кузнецов].

О сакральной составляющей лексемы *ладанка* свидетельствуют ассоциаты: крестик, амулет, талисман, псалом, шея, реликвия, мощи, жемчужина, чеснок, локон, крест, Распутин, саван, частица, зелье, ряса, святыня, кольчуга, икона, молитва, дева, святая, старец, благословение, свеча [Русский ассоциативный словарь, 2002]. Таким образом, прослеживаются оппозиции *радость – печаль, начало – конец, святость – грех* с отрицательными и положительными коннотациями, что позволяет выявить в современном контексте у языковой единицы такие сакральные семы, как "оберег"

- "Срубить и продать кедр – это как ладанку или крест с груди снять и пропить" [РГ, 28.09.2016];

и "смерть":

- " У бывшего царского офицера было еще одно слабое место: он не расставался со старинной семейной ладанкой и фамильным крестом работы Фаберже " [РГ, 02.11.2016].

Сакральная сема "оберег" или "защита" реализуется и в лексеме *панагия*. Так, например, ассоциат – *панагия на Георгиевской ленте* [«Журнал Московской патриархии», 2003.11.24] – реализует положительную коннотацию, поскольку Георгиевская лента – это символ победы, торжества добра над злом.

- "За эту верность Екатерина II послала ему панагию – силой духа своего он не предал церковь" [РГ, 08.09.2013].

Лексико-семантическая характеристика слова *панагия* в «Словаре церковно-славянского и русского языка» представлена следующим образом:

1. ПАНАГІЯ, и, с. ж. Святая икона в круглопродолговатом ободке, носимая архиереями и некоторыми архимандритами на персях.

2. Просфора, возносимая в честь Пресвятой Богородицы.

В словаре В.И. Даля, отражающем семантическое наполнение слова в XIX веке, слово *панагия* сохраняет 1 и 2 ЛСВ: *панагия*, ж. 1. церк. икона, носимая архиереями на груди. 2. Просфора, возносимая в честь Св. Богородицы [Даль, 2009].

В XX веке происходит сужение значения (лексема становится однозначной), которое мы обнаруживаем в словаре Д.И. Ушакова: ПАНАГИЯ, панагии, ж. (греч. *panagia* - всевятая) (церк.). Нагрудный знак православных епископов с украшениями, носимый на цепи [Ушаков].

В современном русском языке единица *панагия* вновь представлена 2 ЛСВ: *панагия* -гии; ж. [греч. *panagia* - всевятая] Церк.

1. Просфора в честь Богоматери.

2. Небольшая, украшенная драгоценными камнями круглая нагрудная икона с изображением Богоматери (в православной церкви - знак архиерейского сана) [Кузнецов].

"За усердное служение Церкви Христовой митрополит Серапион был награжден орденами преподобного Сергия Радонежского (II степени), святого равноапостольного князя Владимира (II степени), правом ношения

двух панагий, орденом святого князя Даниила (II степени)" [Журнал Московской Патриархии № 1, 2010].

Кроме того, сакральные лексемы, представляющие собой собственно религиозно-церковные единицы, становятся именами собственными, именующими реалии современной действительности ("Панагия" – название судна):

"Вот катер "Панагия" подошел к берегу, Дмитрий набросал облака, склоны, и этюд стал полноценным холстом "Приближение к Иверону": небо, вершина, стены в дымке" [РГ, 11.05.2016];

"41.13. Запрещается применение одностенных ставных сетей ячеей 100 мм и более (акула-катран, скаты) и 240 мм и более (камбала-калкан), наживных крючьев (донных ярусов) в период нереста камбалы-калкана в следующие сроки:

с 1 мая по 1 июля – *от мыса Дооб до мыса Панагия*" [РГ, 18.11.2013].

В то же время представляется интересным, что, к примеру, та же самая *панагия* как объект сакрального пространства начинает в большей степени ассоциироваться с материальным достоянием, приравниваясь к деньгам, поэтому единица приобретает дополнительные сакральные семы с отрицательной коннотацией, символизирующие смертные грехи. Об этом свидетельствуют фиксируемые в языке ассоциаты: алмазный, бриллиантовый, драгоценный, резной, золотой, усыпать, украсить, наградить, пожаловать и т.д. Например, сема 'обогащение':

"Еще одно громкое ЧП произошло в Ярославле – там злоумышленники, взломав замок входной двери, забрались в дом митрополита Ярославского и Ростовского Пантелеимона и похитили сейф, где находились 11 млн рублей, 30 тыс. долларов, 3 тыс. евро, *и семь комплектов панагий* – нательных икон на цепочке с изображением Богородицы" [РГ, 20.09.2015];

"Торговля – великая вещь. Еще более неожидан случай, когда мастера Османской империи изготавливают предметы христианского культа, и

панагии приходят к нам в ювелирном восточном оформлении" [РГ, 30.11.2012];

или, приравниваясь к ювелирным украшениям, лексема реализует сакральную сему 'тщеславие':

"Это не "Москва златоглавая, звон колоколов", не разговоры о машинах и животах церковнослужителей, о золотых крестах и бриллиантовых панагиях. Истинное христианство – это хрупкая женщина Елизавета Глинка, обрабатывающая на вокзале гнойные раны бездомных..." [НГ, 27.12.2016];

- "А заодно – раздать коллекции дорогих панагий, иномарок и прочих атрибутов роскоши, налипших к околоцерковному быту со времен средневековья и по какому-то недоразумению почитаемых за необходимые элементы церковной жизни" [Известия, 2 августа 2012];

- "А Патриарх подарил драгоценный крест и панагию" [Известия, 28 мая 2009];

- "Но картинки блистающих во славе, богатстве и злате архиереев рано или поздно заставят задуматься, куда идут пожертвования: на бриллиантовые панагии и особняки или действительно на восстановление разрушенных землетрясением храмов на краю света" [НГ, 15.04.2011].

Слово "вериги" - 1. Железные цепи, оковы, которые носили на теле религиозные фанатики с целью самоистязания. 2. Книжн. О том, что сильно тяготит кого-л. В. обязательств. Долговые, семейные в. [Кузнецов, 2000: 119] стало весьма употребительным на страницах современных печатных СМИ. Кроме того, данная языковая единица расширило свое значение и стало употребляться в переносном значении "железные цепи, оковы" (как сдерживающий фактор), например:

- "И, наверное, не слишком верно сводить его к самому очевидному выводу: дескать, поражение стало для финского боксера самым счастливым днем, потому что он наконец смог снять с себя вериги

национальной гордости и зажить своей собственной жизнью" [РГ, 28.03.2017];

- "Это вечный парадокс: чем прилежнее автор картины "изучает жизнь", тем меньше в ней примет художественного дерзания. Словно знание не только умножает скорби, но и веригами виснет на творческой фантазии" [РГ, 19.08.2015].

Используется данное слово в значении "отягощающие обстоятельства":

- "Общая сумма еще не названа, но ясно, что для областной казны, которая составляет 33 миллиарда рублей без учета денег, которые заложены для чернобыльцев, это тяжелые вериги" [РГ, 26.12.2014].

При этом сакральная семантика нивелируется.

Примечательно, что данная языковая единица в изначальном значении обладает семой "самоистязания", то есть человек сам накладывает на себя тяжкое бремя; в современных контекстах можно встретить употребление в значении, при котором реализуется семантический компонент '*свершения судьбы*', '*рока*', '*нависания чего-то извне*':

- "Сартр говорил: "Человек обречен на свободу". Не "достоин свободы", не "стремится к свободе", а "обречен" на нее. Тут горькая безысходность, ощущение *тяжких вериг*" [РГ, 10.03.2015].

Особенно хотелось бы выделить примеры употребления такой сакральной лексемы, как "крестик". Использование данной языковой единицы особенно примечательно, т.к. она начинает фигурировать в самых различных контекстах, вплоть до иронического, юмористического.

Интересно, что крестик может восприниматься сегодня как атрибут простого верующего человека, с одной стороны, а с другой – нателный крестик являет собой непременно ювелирное украшение, дорогое, обращающее на себя внимание, в ювелирном отношении искусно оформленное.

В первом случае данная лексическая единица с сакральной семантикой в рамках современного публицистического текста, как правило, фигурирует в комплексе с определением "алюминиевый". "Алюминиевый" подразумевает "простой", "дешевый", "невычурный", это символ православия, крестик, сделанный из алюминия, считается самым простым в отношении изготовления, доступным и пр., ср.:

- "...Можно ведь купить *алюминиевый крестик*, а можно – *крестик, усыпанный бриллиантами*, если вы можете себе это позволить" [https://abireg.ru/n_19207.html].

- "Когда вышли из машины, я увидел, что на открытой шее молодого сирийского солдата висит *простой алюминиевый православный крестик*" [Известия, 8 марта 2016].

Как правило, крестик в таких случаях характеризуется как маленький, небольшой по размерам, неприметный на теле:

- "Теперь я ношу на себе этот *маленький алюминиевый крестик* и молюсь о том, чтобы того сирийского воина миновала пуля" [Известия, 14 сентября 2015];

- "Больше тридцати лет он носит тоненькую ниточку обручального кольца и *маленький крестик*" [РГ, 30.06.2016].

Габариты нательного крестика также имеют свое значение. Это продиктовано тем, что нательный "крестик" сегодня часто служит символом красоты, успешности, служит украшением, указывает на пафосность носящего его. При этом весьма важной характеристикой являются его габариты, т.к. от этого зависит то, каким образом он будет смотреться на теле, таким образом, *становится важным показать* его, что нарушает сакральность (скрытность, потаенность) данного символа:

- "На снимке видны нижняя часть лица, плечи и верхняя часть груди знаменитой артистки, *украшенные колье и крестиком*" [Известия, 9 сентября 2016];

- "В то же время тонкая цепочка с крохотным крестиком на полной шее неудачно подчеркнет объемы тела и крупные черты лица" [Известия, 22 февраля 2013].

Особый интерес вызывает использование в современных контекстах слова "икона".

"Икона, др.-русск., образовано от цслав. "икона" (мин. 1096 г. и др.). Из ср.-греч. εἰκόνα от др.-греч. εἰκών "образ", "изображение)" [Фасмер-2, 1986: 125]; в русском языке известно с XI-XVII вв. [Шапошников-1, 2010: 348].

В библейских текстах упоминания о слове "икона" нет. В Библии мы читаем запрет на молитвы и поклонение перед изображениями (которыми и являются иконы). Этот запрет основывается на 2 заповеди, которая гласит: "Не сотвори себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им, ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого [рода], ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои" [Исх. 20:4-6].

В толковании лексемы "икона", представленном в словаре старославянского языка (выпущенного словенской Академией наук), мы обнаруживаем отсутствие сакральной семы: "икона – картина, портрет, статуя" [Kurz, 1964: 764].

В "Словаре церковно-славянского и русского языка" смысловая структура лексемы "икона" представлена уже следующими значениями: "живописное изображение лика Спасителя; образ" [Словарь церковно-славянского и русского языка, 1847: Т.2, 129].

Материалы более поздних толковых словарей русского языка показывают, что "икона" приобретает сакральный компонент значения: "Икона – произведение религиозной живописи, освещенное церковью и

являющееся предметом поклонения у христиан" [Черных, Т.1, 1999: 342]; "образ, изображение Христа или событий церковной жизни" [Дьяченко, 1900: 219].

В толковом словаре середины XX в. мы обнаруживаем следующее значение понятия "икона": "Икона [греч. eikōn – изображение, образ, подобие] живописное изображение Бога или святого (святых), являющееся предметом религиозного поклонения; образ" [Кузнецов, 2000: 387].

В словаре Ожегова слова "икона" представлена как "предмет поклонения" ("живописное изображение Бога, святого или святых у православных и католиков") [Ожегов, 2003: 243].

О сакральной составляющей лексемы "икона" в современном русском языке свидетельствуют следующие ассоциаты: церковь, Бог, Божьей Матери, Богоматери, святая, вера, крест, молитва, Богоматерь, божеская, божество, Божья, в храме, Дева Мария, Иисус, образ, оклад, поп, свечка, свято, святого, святой, со святым, собор, Спасителя, Христа, Христос, церковная, церковная картина [Русский ассоциативный словарь, 2000].

Под "иконой" сегодня, согласно текстам СМИ, подразумевается не только объект для молитвы (к примеру, человек, на которого молятся; которому поклоняются как прообразу бога), но и некий "великий символ"; в этом смысле слово "икона" становится синонимичной слову "кумир", ср.:

- "В одном вашем интервью вы не слишком уважительно сказали: "Неврастеник Боно из раздутой группы U2..." Это о человеке, который для половины планеты – икона?.." [Труд-7, 11.03.2011];
- "Для украинцев он [Тарас Шевченко] не только икона, он – человек, который пробудил их мысль и душу. [Новый регион 2, 10.03.2011];
- "Чемпион мира по боксу Владимир Кличко: "Холифилд – икона. Но я не буду на него молиться" [Известия, 23 июля 2007].

Также обращает на себя внимание, что слово "икона" используется в контексте, подразумевающим некую знаковость, *эталон* в какой-либо

области, например, моды, спорта, политики и пр., где часто фигурирует фраза "икона стиля":

- "Когда рядом стоят C-type и появившийся в 1961 году E-type, сразу видно, почему первый ездил в основном по гоночным трекам, а последний быстро стал иконой *стиля* и подлинным символом 60-х наравне с "Битлз", жевательной резинкой, синими джинсами и рок-н-роллом" [РБК Daily, 04.04.2011];

- "При жизни она стала не только иконой *стиля*, но и помогла десяткам тысяч человек, объездив весь мир с благотворительными миссиями" [АиФ, 18.04.2017];

- "Именно к ней на 100% применимы затертые ныне понятия "светская львица" и "икона *стиля*": Бетси не просто обожала званые приемы и наряды – и в том и в другом трудно было найти ей равную" [НГ, 07.04.2017];

- "Однако самыми желанными в таманском диско-клубе были все же композиции британской группы Slade – настоящей иконы *гламурного стиля*" [НГ, 07.04.2017];

или, например, в значении "эталон красоты" и под.

- "Она [Джулия Робертс] икона, и мы уверены, что Джулия привнесет в эту роль много своего, сыграет ее, как никто другой", – рассказал Райан Кэвэн, продюсер и генеральный директор компании Relativity Media, разрабатывающей проект. [Труд-7, 11.02.2011].

Ср. в словаре русского языка: "Икона [греч. eikōn – изображение, образ, подобие] живописное изображение Бога или святого (святых), являющееся предметом религиозного поклонения; образ" [Кузнецов, 2000: 387].

Примечателен в этом отношении ряд словоупотреблений лексемы "икона" в значении "человек-икона", при котором "икона" подразумевает также личность, лицо которой хорошо известно:

"Мичиганский парень, проводший детство с родителями в трейлер-кемпинге, стал ходячей иконой мирового рока" [Известия, 21 апреля 2017];

Слово "икона" может обозначать личность, являющуюся лидером / родоначальником / ярким представителем какой-либо социальной организации / группы (общности, партии, группы исполнителей и пр.):

- "Эту тенденцию прекрасно осознает "икона" крайне левого фронта – 65-летний Жак-Люк Меланшон, самый возрастной, но самый популярный среди молодежи кандидат, имеющий на YouTube больше подписчиков, чем три других топовых кандидата вместе взятые" [Известия, 21 апреля 2017];

- "Этот шаг обусловлен тем, что Макрон – единственный, кто может победить икону французских ультраправых Марин Ле Пен" [Известия, 30 марта 2017].

В то же время наблюдается употребление слова "икона" и в значении "символ":

- "Путин как икона европейских консерваторов" [Известия, 29.03.2017];

Тесно связанное с иконой понятие "иконостас" также претерпевает изменения. Слово "иконостас" происходит из греческого и является производным от "икона", что отчасти обуславливает сакральность ее семантической структуры в современном русском языке. В этимологическом словаре обнаруживаем следующее значение: "иконостас – стена с иконами перед алтарем", образовано от цслав. иконостаъ. Заимств. из ср.-греч. εἰκονοστάσιον "стена с иконами, иконостас" [Фасмер-2, 1986: 125].

В "Словаре церковно-славянского и русского языка" дается такое толкование лексемы "иконостас": "преграда, отделяющая олтарь, в которую вставляются иконы" [Словарь церковно-славянского и русского языка, 1847: Т.2, 129].

Близкие по содержанию толкования предложены и в других русских словарях периода конца XIX в.: "стена, преимущественно деревянная, отделяющая алтарь от храма и уставленная иконами" [Словарь древнего славянского, 1899: 283]; "Иконостасъ – 1) место для поставления образов, 2) стена, отделяющая алтарь от церкви и украшенная иконами" [Дьяченко, 1900: 219].

Аналогичное толкование можно встретить и в словарях, относящихся к периоду середины XX столетия, где приводится одно и то же значение: "стена с иконами" [Кузнецов, 2000: 387]. В современном толковом словаре также обнаруживаем схожее определение: "покрытая иконами стена, отделяющая алтарь в православном храме" [Ожегов, 2003: 244]. Таким образом, слово "иконостас" связывается в первую очередь с храмовым строением и изначально обладало сакральным компонентом.

Сегодня данная языковая единица начинает употребляться по отношению к лицам, не имеющим отношения к сфере религии. Иконостасом (стена или перегородка в храме с размещенными на ней иконами) начинают именовать доски почета либо ряды изображений политических деятелей, работников каких-либо учреждений, преступников и пр., например:

- "А *властные иконостасы* зачем делать? Хотя фотография директора департамента с его контактами как раз была бы, наверное, кстати, несмотря на то, что для образовательных учреждений это и не очень хорошо..." [РГ, 13.10.2016];

- "Этот *иконостас* воинственной риторики *звездоносных и гражданских роботов Пентагона* можно было бы продолжить, но все и так ясно" [НГ, 28.08.2015].

В подобных случаях словоупотребления сакральной лексики высказывание получает ироническую / сатирическую окраску.

Интересны употребления лексемы "иконостас" в переносных значениях и образных выражениях. Так, например, портрет мужа подвергается сравнению с иконостасом:

- "- Добрый вечер! – говорит Риша, входя в свою комнату, обращаясь к портретам мужа, иконостасом венчающим книжную полку" [АиФ, 22/05/2013].

Или, к примеру, "иконостас" в значении "ряд портретов великих, вписавших свое имя в историю, людей"; это, как правило, люди, имеющие отношение к сфере культуры, искусства, например:

- "Абсолютно уникальный писатель [М.Е. Салтыков-Щедрин], личность, гений, однозначно и прочно отодвинутый на второй план во внушительном "иконостасе" российских гениев-литераторов (как, к слову, и Н.С. Лесков)" [АиФ, 18/05/2015];

- "Ее [Виктория де лос Анхелес] невозможно было вписать в *оперный иконостас* – ни в ее голосе, ни в ее внешности совершенно не было "дивной" позы, мехов, широкополых шляп, скандалов и бриллиантов" [Известия, 17 января 2005].

Или слово "иконостас" может означать ряд / набор каких-либо изображений, изделий, связанных с презентативностью, в частности, часто можно встретить употребление слова иконостас по отношению к ряду орденов на груди:

- "Скажем, медаль "За достижение в области развития инновационных технологий" (2014) в нагрудном "иконостасе" должна находиться "первое" медали "За службу в войсках радиоэлектронной борьбы" (2013) – или она "вторичнее"? [НГ, 13.05.2016].;

- "Пришел фронтовик... Весь в *боевых орденах*. Иконостас на груди! Вернул он партбилет, который ему вручили на фронте, со словами: "Не хочу быть в одной партии с этим предателем..." ["Дружба народов", 2013 // НКРЯ]

- "...Они никогда не радовались новым памятникам войне, и о войне наотрез отказывались рассказывать, клещами слово не вытащишь, хотя у обоих "иконостас" на груди не из "юбилеек" был" [Форум: Смольный хочет поговорить о месте Александра III (2012) // НКРЯ]

Сакральная сема "оберег" или "защита" реализуется и в лексеме *панагия*. Так, например, ассоциат – *панагия на Георгиевской ленте* [«Журнал Московской патриархии», 2003.11.24] – реализует положительную коннотацию, поскольку Георгиевская лента – это символ победы, торжества добра над злом.

- "За эту верность Екатерина II послала ему панагию – силой духа своего он не предал церковь" [РГ, 08.09.2013].

Лексико-семантическая характеристика слова *панагия* в «Словаре церковно-славянского и русского языка» представлена следующим образом:

1. ПАНАГІЯ, и, с. ж. Святая икона в круглопродолговатом ободке, носимая архиереями и некоторыми архимандритами на персях.
2. Просфора, возносимая в честь Пресвятой Богородицы.

В словаре В.И. Даля, отражающем семантическое наполнение слова в XIX веке, слово *панагия* сохраняет 1 и 2 ЛСВ: *панагия*, ж. 1. церк. икона, носимая архиереями на груди. 2. Просфора, возносимая в честь Св. Богородицы [Даль, 2009].

В XX веке происходит сужение значения (лексема становится однозначной), которое мы обнаруживаем в словаре Д.И. Ушакова: ПАНАГИЯ, панагии, ж. (греч. *panagia* - всевятая) (церк.). Нагрудный знак православных епископов с украшениями, носимый на цепи [Ушаков].

В современном русском языке единица *панагия* вновь представлена 2 ЛСВ: *панагия* -гии; ж. [греч. *panagia* - всевятая] Церк.

1. Просфора в честь Богоматери.

2. Небольшая, украшенная драгоценными камнями круглая нагрудная икона с изображением Богоматери (в православной церкви - знак архиерейского сана) [Кузнецов].

"За усердное служение Церкви Христовой митрополит Серапион был награжден орденами преподобного Сергия Радонежского (II степени), святого равноапостольного князя Владимира (II степени), правом ношения двух панагий, орденом святого князя Даниила (II степени)" [Журнал Московской Патриархии № 1, 2010].

Кроме того, сакральные лексемы, представляющие собой собственно религиозно-церковные единицы, становятся именами собственными, именующими реалии современной действительности ("Панагия" – название судна):

"Вот катер "Панагия" подошел к берегу, Дмитрий набросал облака, склоны, и этюд стал полноценным холстом "Приближение к Иверону": небо, вершина, стены в дымке" [РГ, 11.05.2016];

"41.13. Запрещается применение одностенных ставных сетей ячеей 100 мм и более (акула-катран, скаты) и 240 мм и более (камбала-калкан), наживных крючьев (донных ярусов) в период нереста камбалы-калкана в следующие сроки:

с 1 мая по 1 июля – *от мыса Дооб до мыса Панагия*" [РГ, 18.11.2013].

В то же время представляется интересным, что, к примеру, та же самая *панагия* как объект сакрального пространства начинает в большей степени ассоциироваться с материальным достоянием, приравниваясь к деньгам, поэтому единица приобретает дополнительные сакральные семы с отрицательной коннотацией, символизирующие смертные грехи. Об этом свидетельствуют фиксируемые в языке ассоциаты: алмазный, бриллиантовый, драгоценный, резной, золотой, усыпать, украсить, наградить, пожаловать и т.д. Например, сема *'обогащение'*:

"Еще одно громкое ЧП произошло в Ярославле – там злоумышленники, взломав замок входной двери, забрались в дом митрополита Ярославского и Ростовского Пантелеимона и похитили сейф, где находились 11 млн рублей, 30 тыс. долларов, 3 тыс. евро, *и семь комплектов панагий* – нательных икон на цепочке с изображением Богородицы" [РГ, 20.09.2015];

"Торговля – великая вещь. Еще более неожидан случай, когда мастера Османской империи изготавливают предметы христианского культа, и *панагии приходят к нам в ювелирном восточном оформлении*" [РГ, 30.11.2012];

или, приравниваясь к ювелирным украшениям, лексема реализует сакральную сему '*тщеславие*':

"Это не "Москва златоглавая, звон колоколов", не разговоры о машинах и животах церковнослужителей, о золотых крестах и *бриллиантовых панагиях*. Истинное христианство – это хрупкая женщина Елизавета Глинка, обрабатывающая на вокзале гнойные раны бездомных..." [НГ, 27.12.2016];

- "А заодно – раздать коллекции *дорогих панагий*, иномарок и прочих атрибутов роскоши, налипших к околоцерковному быту со времен средневековья и по какому-то недоразумению почитаемых за необходимые элементы церковной жизни" [Известия, 2 августа 2012];

- "А Патриарх подарил *драгоценный крест и панагию*" [Известия, 28 мая 2009];

- "Но картинки блистающих во славе, богатстве и злате архиереев рано или поздно заставят задуматься, куда идут пожертвования: на *бриллиантовые панагии* и особняки или действительно на восстановление разрушенных землетрясением храмов на краю света" [НГ, 15.04.2011].

Слово "вериги" - 1. Железные цепи, оковы, которые носили на теле религиозные фанатики с целью самоистязания. 2. Книжн. О том, что сильно тяготит кого-л. В. обязательств. Долговые, семейные в. [Кузнецов, 2000: 119] стало весьма употребительным на страницах современных печатных СМИ.

Кроме того, данная языковая единица расширило свое значение и стало употребляться в переносном значении "железные цепи, оковы" (как сдерживающий фактор), например:

- "И, наверное, не слишком верно сводить его к самому очевидному выводу: дескать, поражение стало для финского боксера самым счастливым днем, потому что он наконец смог снять с себя вериги национальной гордости и зажечь своей собственной жизнью" [РГ, 28.03.2017];

- "Это вечный парадокс: чем прилежнее автор картины "изучает жизнь", тем меньше в ней примет художественного дерзания. Словно знание не только умножает скорби, но и веригами виснет на творческой фантазии" [РГ, 19.08.2015].

Используется данное слово в значении "отягощающие обстоятельства":

- "Общая сумма еще не названа, но ясно, что для областной казны, которая составляет 33 миллиарда рублей без учета денег, которые заложены для чернобыльцев, это тяжелые вериги" [РГ, 26.12.2014].

При этом сакральная семантика нивелируется.

Примечательно, что данная языковая единица в изначальном значении обладает семой "самоистязания", то есть человек сам накладывает на себя тяжкое бремя; в современных контекстах можно встретить употребление в значении, при котором реализуется семантический компонент '*свершения судьбы*', '*рока*', '*нависания чего-то извне*':

- "Сартр говорил: "Человек обречен на свободу". Не "достоин свободы", не "стремится к свободе", а "обречен" на нее. Тут горькая безысходность, ощущение *тяжких вериг*" [РГ, 10.03.2015].

Особенно хотелось бы выделить примеры употребления такой сакральной лексемы, как "крестик". Использование данной языковой единицы особенно примечательно, т.к. она начинает фигурировать в самых различных контекстах, вплоть до иронического, юмористического.

Интересно, что крестик может восприниматься сегодня как атрибут простого верующего человека, с одной стороны, а с другой – натальный крестик являет собой неперенное ювелирное украшение, дорогое, обращающее на себя внимание, в ювелирном отношении искусно оформленное.

В первом случае данная лексическая единица с сакральной семантикой в рамках современного публицистического текста, как правило, фигурирует в комплексе с определением "алюминиевый". "Алюминиевый" подразумевает "простой", "дешевый", "невычурный", это символ православия, крестик, сделанный из алюминия, считается самым простым в отношении изготовления, доступным и пр., ср.:

- "...Можно ведь купить *алюминиевый крестик*, а можно – *крестик, усыпанный бриллиантами*, если вы можете себе это позволить" [https://abireg.ru/n_19207.html].

- "Когда вышли из машины, я увидел, что на открытой шее молодого сирийского солдата висит *простой алюминиевый православный крестик*" [Известия, 8 марта 2016].

Как правило, крестик в таких случаях характеризуется как маленький, небольшой по размерам, неприметный на теле:

- "Теперь я ношу на себе этот *маленький алюминиевый крестик* и молюсь о том, чтобы того сирийского воина миновала пуля" [Известия, 14 сентября 2015];

- "Больше тридцати лет он носит тоненькую ниточку обручального кольца и *маленький крестик*" [РГ, 30.06.2016].

Габариты натального крестика также имеют свое значение. Это продиктовано тем, что натальный "крестик" сегодня часто служит символом красоты, успешности, служит украшением, указывает на пафосность носящего его. При этом весьма важной характеристикой являются его габариты, т.к. от этого зависит то, каким образом он будет смотреться на

теле, таким образом, *становится важным показать* его, что нарушает сакральность (скрытность, потаенность) данного символа:

- "На снимке видны нижняя часть лица, плечи и верхняя часть груди знаменитой артистки, *украшенные колье и крестиком*" [Известия, 9 сентября 2016];
- "В то же время тонкая цепочка *с крохотным крестиком* на полной шее неудачно подчеркнет объемы тела и крупные черты лица" [Известия, 22 февраля 2013].

Особый интерес вызывает использование в современных контекстах слова "икона".

"Икона, др.-русс., образовано от цслав. "икона" (мин. 1096 г. и др.). Из ср.-греч. εἰκόνα от др.-греч. εἰκών "образ", "изображение")" [Фасмер-2, 1986: 125]; в русском языке известно с XI-XVII вв. [Шапошников-1, 2010: 348].

В библейских текстах упоминания о слове "икона" нет. В Библии мы читаем запрет на молитвы и поклонение перед изображениями (которыми и являются иконы). Этот запрет основывается на 2 заповеди, которая гласит: "Не сотвори себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им, ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого [рода], ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои" [Исх. 20:4-6].

В толковании лексемы "икона", представленном в словаре старославянского языка (выпущенного словенской Академией наук), мы обнаруживаем отсутствие сакральной семы: "икона – картина, портрет, статуя" [Kurz, 1964: 764].

В "Словаре церковно-славянского и русского языка" смысловая структура лексемы "икона" представлена уже следующими значениями:

"живописное изображение лика Спасителя; образ" [Словарь церковно-славянского и русского языка, 1847: Т.2, 129].

Материалы более поздних толковых словарей русского языка показывают, что "икона" приобретает сакральный компонент значения: "Икона – произведение религиозной живописи, освещенное церковью и являющееся предметом поклонения у христиан" [Черных, Т.1, 1999: 342]; "образ, изображение Христа или событий церковной жизни" [Дьяченко, 1900: 219].

В толковом словаре середины XX в. мы обнаруживаем следующее значение понятия "икона": "Икона [греч. *eikōn* – изображение, образ, подобие] живописное изображение Бога или святого (святых), являющееся предметом религиозного поклонения; образ" [Кузнецов, 2000: 387].

В словаре Ожегова слова "икона" представлена как "предмет поклонения" ("живописное изображение Бога, святого или святых у православных и католиков") [Ожегов, 2003: 243].

О сакральной составляющей лексемы "икона" в современном русском языке свидетельствуют следующие ассоциаты: церковь, Бог, Божьей Матери, Богоматери, святая, вера, крест, молитва, Богоматерь, божеская, божество, Божья, в храме, Дева Мария, Иисус, образ, оклад, поп, свечка, свято, святого, святой, со святым, собор, Спасителя, Христа, Христос, церковная, церковная картина [Русский ассоциативный словарь, 2000].

Под "иконой" сегодня, согласно текстам СМИ, подразумевается не только объект для молитвы (к примеру, человек, на которого молятся; которому поклоняются как прообразу бога), но и некий "великий символ"; в этом смысле слово "икона" становится синонимичной слову "кумир", ср.:

- "В одном вашем интервью вы не слишком уважительно сказали: "Неврастеник Боно из раздутой группы U2..." Это о человеке, который для половины планеты – икона?.." [Труд-7, 11.03.2011];

- "Для украинцев он [Тарас Шевченко] не только икона, он – человек, который пробудил их мысль и душу. [Новый регион 2, 10.03.2011];
- "Чемпион мира по боксу Владимир Кличко: "*Холифилд – икона*. Но я не буду на него молиться" [Известия, 23 июля 2007].

Также обращает на себя внимание, что слово "*икона*" используется в контексте, подразумевающим некую знаковость, *эталон* в какой-либо области, например, моды, спорта, политики и пр., где часто фигурирует фраза "икона стиля":

- "Когда рядом стоят C-type и появившийся в 1961 году E-type, сразу видно, почему первый ездил в основном по гоночным трекам, а последний быстро стал иконой *стиля* и подлинным символом 60-х наравне с "Битлз", жевательной резинкой, синими джинсами и рок-н-роллом" [РБК Daily, 04.04.2011];
  - "При жизни она стала не только иконой *стиля*, но и помогла десяткам тысяч человек, объездив весь мир с благотворительными миссиями" [АиФ, 18.04.2017];
  - "Именно к ней на 100% применимы затертые ныне понятия "светская львица" и "икона *стиля*": Бетси не просто обожала званые приемы и наряды – и в том и в другом трудно было найти ей равную" [НГ, 07.04.2017];
  - "Однако самыми желанными в таманском диско-клубе были все же композиции британской группы Slade – настоящей иконы *гламурного стиля*" [НГ, 07.04.2017];
- или, например, в значении "эталон красоты" и под.
- "Она [Джулия Робертс] икона, и мы уверены, что Джулия привнесет в эту роль много своего, сыграет ее, как никто другой", – рассказал Райан Кэвэн, продюсер и генеральный директор компании Relativity Media, разрабатывающей проект. [Труд-7, 11.02.2011].

Ср. в словаре русского языка: "Икона [греч. eikōn – изображение, образ, подобие] живописное изображение Бога или святого (святых), являющееся предметом религиозного поклонения; образ" [Кузнецов, 2000: 387].

Примечателен в этом отношении ряд словоупотреблений лексемы "икона" в значении "человек-икона", при котором "икона" подразумевает также личность, лицо которой хорошо известно:

"Мичиганский парень, прошедший детство с родителями в трейлер-кемпинге, стал ходячей иконой мирового рока" [Известия, 21 апреля 2017];

Слово "икона" может обозначать личность, являющуюся лидером / родоначальником / ярким представителем какой-либо социальной организации / группы (общности, партии, группы исполнителей и пр.):

- "Эту тенденцию прекрасно осознает "икона" крайне левого фронта – 65-летний Жак-Люк Меланшон, самый возрастной, но самый популярный среди молодежи кандидат, имеющий на YouTube больше подписчиков, чем три других топовых кандидата вместе взятые" [Известия, 21 апреля 2017];

- "Этот шаг обусловлен тем, что Макрон – единственный, кто может победить икону французских ультраправых Марин Ле Пен" [Известия, 30 марта 2017].

В то же время наблюдается употребление слова "икона" и в значении "символ":

- "Путин как икона европейских консерваторов" [Известия, 29.03.2017];

Тесно связанное с иконой понятие "иконостас" также претерпевает изменения. Слово "иконостас" происходит из греческого и является производным от "икона", что отчасти обуславливает сакральность ее семантической структуры в современном русском языке. В этимологическом словаре обнаруживаем следующее значение: "иконостас – стена с иконами

перед алтарем", образовано от цслав. иконостась. Заимств. из ср.-греч. εἰκονοστάσιον "стена с иконами, иконостас" [Фасмер-2, 1986: 125].

В "Словаре церковно-славянского и русского языка" дается такое толкование лексемы "иконостас": "преграда, отделяющая олтарь, в которую вставляются иконы" [Словарь церковно-славянского и русского языка, 1847: Т.2, 129].

Близкие по содержанию толкования предложены и в других русских словарях периода конца XIX в.: "стена, преимущественно деревянная, отделяющая алтарь от храма и уставленная иконами" [Словарь древнего славянского, 1899: 283]; "Иконостась – 1) место для поставления образов, 2) стена, отделяющая алтарь от церкви и украшенная иконами" [Дьяченко, 1900: 219].

Аналогичное толкование можно встретить и в словарях, относящихся к периоду середины XX столетия, где приводится одно и то же значение: "стена с иконами" [Кузнецов, 2000: 387]. В современном толковом словаре также обнаруживаем схожее определение: "покрытая иконами стена, отделяющая алтарь в православном храме" [Ожегов, 2003: 244]. Таким образом, слово "иконостас" связывается в первую очередь с храмовым строением и изначально обладало сакральным компонентом.

Сегодня данная языковая единица начинает употребляться по отношению к лицам, не имеющим отношения к сфере религии. Иконостасом (стена или перегородка в храме с размещенными на ней иконами) начинают именовать доски почета либо ряды изображений политических деятелей, работников каких-либо учреждений, преступников и пр., например:

- "А *властные иконостасы* зачем делать? Хотя фотография директора департамента с его контактами как раз была бы, наверное, кстати, несмотря на то, что для образовательных учреждений это и не очень хорошо..." [РГ, 13.10.2016];

- "Этот иконостас воинственной риторики *звездоносных и цивильных роботов Пентагона* можно было бы продолжить, но все и так ясно" [НГ, 28.08.2015].

В подобных случаях словоупотребления сакральной лексемы высказывание получает ироническую / сатирическую окраску.

Интересны употребления лексемы "иконостас" в переносных значениях и образных выражениях. Так, например, портрет мужа подвергается сравнению с иконостасом:

- "- Добрый вечер! – говорит Риша, входя в свою комнату, обращаясь к портретам мужа, иконостасом венчающим книжную полку" [АиФ, 22/05/2013].

Или, к примеру, "иконостас" в значении "ряд портретов великих, вписавших свое имя в историю, людей"; это, как правило, люди, имеющие отношение к сфере культуры, искусства, например:

- "Абсолютно уникальный писатель [М.Е. Салтыков-Щедрин], личность, гений, однозначно и прочно отодвинутый на второй план во внушительном "иконостасе" российских гениев-литераторов (как, к слову, и Н.С. Лесков)" [АиФ, 18/05/2015];

- "Ее [Виктория де лос Анхелес] невозможно было вписать в *оперный* иконостас – ни в ее голосе, ни в ее внешности совершенно не было "дивной" позы, мехов, широкополых шляп, скандалов и бриллиантов" [Известия, 17 января 2005].

Или слово "иконостас" может означать ряд / набор каких-либо изображений, изделий, связанных с презентативностью, в частности, часто можно встретить употребление слова иконостас по отношению к ряду орденов на груди:

- "Скажем, медаль "За достижение в области развития инновационных технологий" (2014) в нагрудном "иконостасе" должна

находиться "первое" медали "За службу в войсках радиоэлектронной борьбы" (2013) – или она "вторичнее"? [НГ, 13.05.2016].;

- "Пришел фронтовик... Весь в *боевых орденах*. *Иконостас* на *грудь*! Вернул он партбилет, который ему вручили на фронте, со словами: "Не хочу быть в одной партии с этим предателем..." ["Дружба народов", 2013 // НКРЯ]

- "...Они никогда не радовались новым памятникам войне, и о войне наотрез отказывались рассказывать, клещами слово не вытащишь, хотя у обоих *"иконостас"* на *грудь* не из "юбилеек" был" [Форум: Смольный хочет поговорить о месте Александра III (2012) // НКРЯ]

Отметим, что присутствует значительная модификация категории сакральности и в лексике исследуемого предметно-тематического корпуса, обладающей более общим значением (по сравнению с языковыми единицами, обозначающими конкретные реалии бытовой или религиозной сферы, как, например, "крестик", "панагия" и пр.). Так, слово "святыня" известно в современном русском языке как "предмет или место религиозного поклонения" и как стилистически маркированное обозначение чего-то, что "является особенно дорогим, глубоко чтимым и любовно хранимым" [Кузнецов, 2000: 1165], но сегодня "святыней" может являться практически любой объект действительности. Так, например, к разряду сакральных единиц, могут относиться слова, обозначающие исторические места в городе (населенном пункте) или местности страны:

- "Площадь Тяньаньмэнь в центре китайской столицы поистине *историческая святыня* для жителей Поднебесной" [В.В. Овчинников. Размышления странника (2012) // НКРЯ].

Так, святыней в современной действительности именуются различные элементы, являющиеся достижением прогресса, преимущественно связанные с техникой, транспортом и пр. (космодромы, корабли-авианосцы и пр.):

- "СКР-112 – это не металлолом, это наша святыня" [Игорь Ларичев. Беглец из Донузлава // "Родина", 2011], где СКР-112 – сторожевой корабль проекта 159А, заложенный 26 апреля 1967 года на Калининградском судостроительном заводе "Янтарь";

- "И согласился с Глашей: все-таки *корабль, святыня морская*, надо отдать уважение, да и благодаря Джорджу – что уж тут скрывать – он будет представлен к внеочередному воинскому званию, черт возьми" ["Новый Мир", 2003 // НКРЯ].

Святыней могут именоваться и другие, малозначительные в культурно-историческом контексте элементы действительности, порой сугубо бытовые:

- "*Вячеслав – это имя-святыня*, означающая в нашем городе Вячеслава Иванова, корифея Серебряного века поэзии, еще петербургского покровителя Хлебникова, на сломе эпох нашедшего филологическое прибежище в отдаленном Баку, в университете, до своего отбытия в Италию, – объяснил нам потом Штейн" [Александр Иличевский. Перс (2009) // НКРЯ];

- "*Помидоры* тоже местная святыня. Барселонцы, по-моему, поголовно уверены, что памятник Колумбу поставили именно за то, что он привез томаты в эту гавань" [Анна Берсенева. Полет над разлукой (2003-2005) // НКРЯ];

- "Вот тут простота заканчивается, очень разные были варианты для первого по всем статьям эмгэушного краснодипломника: аспирантура плюс преподавание или практическая работа (юрист полагался каждому почти учреждению, а штатное *расписание* в те времена – святыня) минус ученая степень" ["Звезда", 2003 // НКРЯ];

- "Семнадцать лет назад Гай Ричи снял свой второй полнометражный фильм – образцовую черную криминальную комедию "Большой куш", чей культовый статус в России был немало, признаем, усилен нескромным переводом Дмитрия "Гоблина" Пучкова. Долгое время

славу этого волшебного кинополотна почтительно обходили стороной... но никакие святыни не вечны..." [РГ, 07.04.2017]. Интересно, что "святыня" начинает ассоциироваться с элементами материально-денежного плана, в частности, с реалиями политико-экономической сферы, например:

- "Уважать святыню семейной жизни следует для того, чтобы была уважаема святыня власти государственной" ["Ландшафтный дизайн", 2003.01.15 // НКРЯ];
- "На очереди была Женева, ...где только коренные швейцарцы соль земли, все прочие второй сорт, *основная святыня – счет в банке*, а доносительство возведено в гражданскую доблесть" [Н.В. Кожевникова. Колониальный стиль (2003) // НКРЯ].

Субстантивированное прилагательное "святое" берет свое начало от имени прилагательного "святой (-ый)", толкуемое изначально "имманентный признак Бога, небесных сил" [Словарь русского языка XI-XVII вв., 1996: 210], от старославянского "свѣтъ (-ый)" "святой, божественный", а также выделяются значения "святой, избранный, божий, посвященный Богу", "справедливый" [Slovník jazyka staroslověnského, 1983: 42-43]. Прилагательное "святой", согласно толковому словарю церковнославянского языка, является заменителем лексемы "Бог", ср.: "на многихъ мѣстахъ ветхаго завѣта особенно присвоается Богу" [Алексеев, 1819: 71].

Историко-этимологический словарь дает следующее толкование прилагательного "святой": "1) являющийся предметом религиозного почитания и преклонения, божественный; 2) глубоко чтимый, заветный, дорогой". В указанном словаре приводится широкая словообразовательная цепочка единиц, образованных от данного прилагательного (субст. "святой", кр. ф. "свят, свято" и пр., суц. "святость, святыня") [Черных, 1999: 149], однако субстантивированного наименования "святое" нет.

В толковом словаре В.И. Даля также размещена достаточно большая по объему статья под заглавием "святой", где обнаруживаются многие однокоренные и близкие понятия ("святой", "святыня", "святотатство" и др.), однако субстантивированного слова "святое" не находим. В то же время обращает на себя внимание то, что в дистрибуции с данным прилагательным находятся такие предметы, как "дерево", "место" и др.: "Бедность святое дело", "Одолели черти святое место" [Даль-4, 1909: 94-97].

В интернете обнаруживаем единственное определение понятия "святое" – являющееся Богом или Божественным, происходящее от Него, отмеченное Его присутствием или действием Божественной Благодати, посвящённое Ему в служение и отделенное от мирского" [<https://ru.wikipedia.org/wiki/>]. Таким образом, сакральная семантика слова "святое" выделяется изначально, однако сакральная семантика данной единицы приобретает весьма широкое значение в современном русском языке и обозначает любой предмет, связанный с божественным проявлением" (предмет абстрактный или конкретный, явление).

В современных текстах лексема "святое" в качестве субстантивированного прилагательного употребляется не часто, репрезентацию данного значения мы можем наблюдать в словах, обозначающих предметы, явления тематической группы еда (в частности, хлеб), обед, завтрак (процесс приема пищи), в которых реализуется сакральная сема 'бессмертие-возрождение':

- "Дети со школьной скамьи усваивают, что хлеб – это святое. Вернее, так: они это усвоят, если им, конечно, правильно объясняли" [АиФ, 03/03/2017];

- "Никакого оливье. Посягну на святое, но обязан предупредить: на следующий день после праздника обычно активно доедаются *салаты* и *закуски*, простоявшие всю ночь (а то и дольше) на столе" [АиФ, 01/01/2017];

- "...разрешите ему не ужинать, но *обедать и завтракать* – это святое!" [Наши дети: Подростки (2004) // НКРЯ];

- "Это вообще святое занятие в медицине, *обед*" ["Сибирские огни", 2012 // НКРЯ].

Одним из объектов, причисляемых к самому святому, является первый близкий человек – "мама", а также "родители" (данные лексемы реализуют сакральную сему 'любовь'), например:

- "*Мама заболела. Мама – это святое*" [Токарева Виктория. Своя правда, 2002 // НКРЯ];

- "*Мама – это святое. Если бы речь шла всего лишь о биологическом инстинкте...*" ["Знание – сила", 2010 // НКРЯ];

- "Сам Леха, пригубив раз, два, три, на бровях отчалил к маме на выходные. *Мама – это святое*, сказал он. Пока доеду – выветрится. [Екатерина Завершнева. Высотка (2012) // НКРЯ]

К категории святого, сокровенного относятся и дети (сакральная сема 'счастье'):

- "*Дети – это святое, их нужно любить и беречь!*" [Форум: Хватит губить детей! (2011) // НКРЯ];

- "Да, *дети* – они вообще симпатичней взрослых. Ну, это же цветы. Это, я считаю, самое чистое, самое святое" ["Русский репортер", № 15 (143), 22-29 апреля 2010 // НКРЯ].

языковые единицы, обладающие сакральным значением 'защитник':

- "Для меня *фронтовик* – это святое" [Форум: Обсуждение фильма "Доживем до понедельника" (1968) (2007-2010) // НКРЯ];

- "*Русская армия* звучит для меня, как нечто святое" ["Солдат удачи", 2004.06.09 // НКРЯ].

языковые единицы (без сакральной семантики), обозначающие объекты действительности, связанные с ведением бизнеса, построением карьеры:

- "Заказчик – это святое, но на поводу я никогда не иду, потому что у нас общая цель: создать конкурентоспособный продукт, который будет пользоваться спросом у конечного покупателя" ["Континент Сибирь" (Новосибирск), 2004.12.17 // НКРЯ];
- "Вспомнив про завтра, Демидов погрузнел, так как сильно не хотелось тащиться снова в центр Москвы, но мужская дружба – это святое, особенно, если твой друг – партнер по бизнесу" [Марина Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая (2015)];
- "Едва выйдя на работу, она сразу покусилась на святое. То есть на должность самого Бинэма..." [Марина Латышева. Первым делом – самолеты (2010.01.12) // НКРЯ].

2.3. Функционально-семантические особенности лексики, относящейся к сфере «оберега»

Оберегов в русской национальной культуре достаточно много. Обозначить их все в рамках настоящего исследования не представляется возможным. Современные газетные тексты и материалы Национального корпуса русского языка дают некоторые сведения о том, какие предметы могли являться оберегами. Это могли быть браслеты, перстни, куклы и пр.:

- "...киевская гадюка – исполнительница волховского пророчества – выползла из конского черепа, каковой искони должен был лежать у славянских домов как языческий оберег, охранитель..." ["Наука и религия", 2008 // НКРЯ];
- "Эта кукла бытовала в Тульской губернии как оберег жилища" ["Народное творчество", 2004.10.18 // НКРЯ];
- "Надеюсь, что кто-нибудь откликнется и расскажет секрет изготовления моего гномика, а также объяснит, что это такое: игрушка, кукла

для игрушечного кукольного театра или оберег. ["Народное творчество", 2004.08.16 // НКРЯ].

Среди лексических единиц, связанных со сферой оберегов / амулетов, обладающих сакральной семантикой, присутствует ряд единиц, которые претерпевают достаточно серьезные изменения. Так, например, такой оберег, как чертополох сегодня утрачивает свои защитные качества, т.е. сакральную семантику лексемы "чертополох" можно считать практически утраченной.

Подтверждением тому служит употребление данного слова в значении "сорняк", "сорная трава", "бурьян", который разросся в огороде и пр.:

"Вроде бы каждый возделывает свою небольшую грядку, выращивает там цветы или чертополох, – и вдруг обнаруживается, что эти труды кому-то нужны" [РГ, 07.09.2012];

- "Тех, кто и дальше будет пытаться "навести тень на плетень", Кашин призвал заняться собственным огородом, который, по его словам, зарос чертополохом" [РГ, 29.01.2013];

- "Дети, кто бы спорил, цветы жизни. Вопрос – какие именно. Чертополох тоже цветет. И многие современные подростки очень напоминают этот *колючий и упрямый сорняк*" [РГ, 01.06.2012].

Само слово "чертополох" происходит от "черт" и "полох" ("полошить"). Это колючее растение применяют для окуливания хлебов, чтобы охранить скотину от нечистой силы и болезней" [Фасмер, 1987: 348]" ср. "всполохнуть – вспугнуть" [Преображенский, 1914: 98]. Чертополох в древнем славянском языке обозначает "всполошить, отпугнуть черта".

"Чертополох. Собств.-русс. Считается сложением черт (см.) и полах – "тревога, испуг" (см. переполох), так как по народному поверью дым при сжигании чертополоха отгоняет нечистую силу от скота" [Краткий этимологический словарь, 1975: 492].

В современном русском языке (согласно "Новому толково-словообразовательному словарю русского языка Т.Ф. Ефремовой" и словарю

С.И. Ожегова) слово "чертополох" толкуется как "название некоторых колючих сорных растений" [Словарь Т.Ф. Ефремовой]; "сорное колючее растение семейства сложноцветных с кустистым стеблем и пунцовыми цветками" [Ожегов, 2003: 882]. В словарях XIX в., например, В.И. Даля, языковая единица имела аналогичное толкование.

В библейских текстах также можно встретить упоминание данного растения: "Но землю, производящую лишь чертополох и терновник, признают негодной и проклятой, конец ее – сгореть в огне" [Послание к Евреям 6 стих 8 – Евр 6:8].

Таким образом, семантическая структура слова "чертополох" когда-то включала сакральный компонент значения; сегодня о данном элементе семантики свидетельствует лишь его словообразовательная форма и этимологическая карта.

В этимологическом словаре Фасмера слово *чертогон* имеет значения: 1. Нательный крест; 2. Травянистое растение [Фасмер-4, 1987: 348]. Сегодня данная языковая единица несколько изменила свою семантическую структуру. Так, современные толкования данной языковой единицы предусматривают наличие следующих значений: 1. Травянистое колючее растение семейства сложноцветных. 2. разг.-сниж. Обряд изгнания нечистой силы [Словарь Т.Ф. Ефремовой].

В современной прессе слово чертогон перестало использоваться как "растение-оберег". Данная лексема реализует значение, которое непосредственно связано с его сакральным содержанием, однако оно обладает дополнительной оценочной коннотацией (как правило, иронической, саркастической).

- "Новые русские гуляли на миру, а нынешний чертогон скрыт и в тысячу раз размашистее. Вместо бумера океанские яхты, вместо гаек на пальцах – яйца Фаберже, вместо дачи – Куршевель, вместо казино – английский футбол" [Известия, 13 сентября 2007];

Известно, что чертогоном также называли того, "кто изгоняет чертей, бесов и другую нечистую силу" [Кузнецов, 2000: 1476]. Новый семантический компонент может быть выражен как "преследование кого-либо" (как правило, представителя противоположных, противоборствующих организаций), реализует сакральную сему "обряд очищения":

- "Прямой конфликт с ООН, на который пошел Сталин в Корею, или купеческий чертогон Хрущева на трибуне Генассамблеи для нас – как эпоха динозавров" [Известия, 27 октября 2005].

- "На то можно возразить, что люди в Кремле тоже не лаптем щи хлебают и произведут такой чертогон, после которого преимуществами призового права воспользуются только те, кому положено" [Известия, 19 апреля 2005].

Этимологически слово "подкова" связано с глаголом *ковать*: "ковать, кую, оковы, подкова" [Горяев, 1896: 147]; происходит от глагола "подковывать" (ст.-слав. "подьковати" от "ковати" – "изготавливать что-л. ковкой, с помощью молота; заковывать в оковы; подковывать лошадей") [Словарь русского языка XI-XVII вв., 1980: 213]; "подьковати – прибить подковы под копыта" [Срезневский, 1902: 1058], ср. "подьковъ – лошадиная подкова" [Словарь древнего славянского языка, 1899: 590].

В середине XIX в. семантическая структура слова "подкова" подразумевала одно значение: "желѣзный полукругъ съ шипами на коцахъ и на срединѣ, коимъ подковывается лошадиное копыто" [Словарь церковно-славянского русского языка-3, 1847: 260].

Согласно толковому словарю русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова, "подкова" означает "изогнутую по форме копыта металлическую полосу, прикрепляемую к конскому копыту..." [Ушаков].

В малом академическом словаре дается более широкий перечень значений данной лексемы: "Подкова – 1. Металлическая, изогнутая по форме конского копыта пластинка, прибиваемая к копыту для предохранения его от

повреждения и скольжения. 2. обычно чего или какая. То, что имеет форму такой изогнутой пластинки. 3. Металлическая пластинка, прибиваемая к каблуку" [МАС-2, 1986: 191]. Подобные толкования можно встретить и в современных толковых словарях.

Сама лексема "подкова" не встречается в библейских текстах, однако имеется упоминание кузнечного дела, которое считалось достойным, священным: "Цилла также родила Тувалкаина, который был ковачом всех орудий из меди и железа. И сестра Тувалкаина Ноема" [Книга Бытие 4:20-22]; "И сделал царь Соломон двести больших щитов из кованого золота, по шестисот сиклей пошло на каждый щит..." [Третья книга Царств 10:16]; "Кузнец ободряет плавильщика, разглаживающий листы молотом – куящего на наковальне, говоря о спайке: "хороша"; и укрепляет гвоздями, чтобы было твердо" [Исаия 41:7]. Таким образом, сакральная сема у лексемы подкова может быть выделена опосредованно, через глагол "ковать", от которого оно происходит.

Также о наличии сакрального компонента значения, опосредованно присутствующего в данной лексеме, свидетельствует ассоциат "ковать", также подкова выступает в качестве символа веры в счастье / удачу, что подтверждается следующим рядом ассоциатов: счастье, на счастье, счастья, удача, на память, счастливая [Русский ассоциативный словарь, 2000].

Образ подковы воспринимается современным русскоязычным человеком как символ удачи, легкого успеха и пр. и, с одной стороны, продолжает сохранять свою сакральную семантику в современном контексте.

- "Помимо кинематографических экспозиций и уникальных архивных фотографий, а также вырезок из старых газет, рассказывающих о жизни цыган, костромской энтузиаст собрал в музее самодельные куклы в цыганских нарядах, конскую упряжь, национальные костюмы, фрагменты бричек и интерьеров цыганских шатров, а также интересную коллекцию лошадиных подков – "на счастье" [РГ, 01.07.2016];

- "А когда он предложил желающим самим выковать себе *на счастье подкову*, выстроилась очередь" [РГ, 16.06.2016];

- "Гости увидят весь путь от заготовки до готового изделия и даже смогут смастерить себе *подкову на счастье*" [РГ, 25.04.2016];

- "Как в пятницу сообщил ТАСС, Национальный банк Казахстана выпустил в обращение памятные серебряные монеты из серии "Магические символы", выполненные в необычной форме, по контуру напоминающей подкову, направленную концами вверх. "Всем известно, что *подкова* – древний и самый известный талисман, приносящий в дом удачу, успех и богатство. Считается, что в качестве амулета на счастье "концы подковы должны быть вверху, чтобы счастье "не вылилось", – пояснили в Нацбанке выбранную для новых монет форму" [РГ, 25.04.2016].

Подкова является символом удачи, вполне реально ощутимым:

- "Но пока идем иноходью, может быть, *ядерный арсенал* останется нашей *счастливой подковой*?" [Известия, 19 июня 2008].

Данный символ удачно применяется в различных сферах бизнеса, для привлечения клиентов. Так, к примеру, подобное название может носить какое-либо развлекательное заведение, мероприятие и пр.:

- "*Казино "Подкова"* (на счастье?) – довольно-таки обветшалое здание с низкими потолками и вытертыми коврами - превратилось за несколько дней в покерную Мекку" [Известия, 27 мая 2004].;

- "А недавно открылась *столовая "Серебряная подкова"* в самом центре, на улице Гагарина" [РГ, 12.05.2016].

Подкова становится именованием какого-либо географического объекта на местности (преимущественно в виду сходства по форме географического объекта с формой подковы):

- "На прошлой неделе на трех из десяти бульваров знаменитого Бульварного кольца, прозванного турфирмами "*золотой подковой Москвы*",

развернулись масштабные работы по реконструкции и благоустройству" [Известия, 30 мая 2008];

- "Это скорее подкова, образованная десятью бульварами, двумя проездами и несколькими площадями..." Прогулка начинается у храма Христа..." [НГ, 26.02.2015];

- "В области можно выделить три типа туристических зон (помимо самого Ростова), которые все вместе образуют маршрут "Серебряная подкова Дона" [РГ, 08.06.2016];

- "Отдыхала в июне на базе "Золотая подкова", в туре "Летняя рапсодия Адыгеи" [Форум: Гостевая книга конно-туристической базы "Золотая Подкова" (2012) // НКРЯ].

Среди лексических единиц, связанных со сферой оберегов / амулетов, обладающих сакральной семантикой, присутствует ряд единиц, которые претерпевают достаточно серьезные изменения. Так, например, такой оберег, как чертополох сегодня утрачивает свои защитные качества, т.е. сакральную семантику лексемы "чертополох" можно считать практически утраченной.

Подтверждением тому служит употребление данного слова в значении "сорняк", "сорная трава", "бурьян", который разросся в огороде и пр.:

"Вроде бы каждый возделывает свою небольшую грядку, выращивает там цветы или чертополох, – и вдруг обнаруживается, что эти труды кому-то нужны" [РГ, 07.09.2012];

- "Тех, кто и дальше будет пытаться "навести тень на плетень", Кашин призвал заняться собственным огородом, который, по его словам, зарос чертополохом" [РГ, 29.01.2013];

- "Дети, кто бы спорил, цветы жизни. Вопрос – какие именно. Чертополох тоже цветет. И многие современные подростки очень напоминают этот *колючий и упрямый сорняк*" [РГ, 01.06.2012].

Само слово "чертополох" происходит от "черт" и "полох" ("полошить"). Это колючее растение применяют для окулирования хлевов, чтобы охранить

скотину от нечистой силы и болезней" [Фасмер, 1987: 348]" ср. "всполохнуть – вспугнуть" [Преображенский, 1914: 98]. Чертополох в древнем славянском языке обозначает "всполошить, отпугнуть черта".

"Чертополох. Собств.-русск. Считается сложением черт (см.) и полах – "тревога, испуг" (см. переполах), так как по народному поверью дым при сжигании чертополоха отгоняет нечистую силу от скота" [Краткий этимологический словарь, 1975: 492].

В современном русском языке (согласно "Новому толково-словообразовательному словарю русского языка Т.Ф. Ефремовой" и словарю С.И. Ожегова) слово "чертополох" толкуется как "название некоторых колючих сорных растений" [Словарь Т.Ф. Ефремовой]; "сорное колючее растение семейства сложноцветных с кустистым стеблем и пунцовыми цветками" [Ожегов, 2003: 882]. В словарях XIX в., например, В.И. Даля, языковая единица имела аналогичное толкование.

В библейских текстах также можно встретить упоминание данного растения: "Но землю, производящую лишь чертополох и терновник, признают негодной и проклятой, конец ее – сгореть в огне" [Послание к Евреям 6 стих 8 – Евр 6:8].

Таким образом, семантическая структура слова "чертополох" когда-то включала сакральный компонент значения; сегодня о данном элементе семантики свидетельствует лишь его словообразовательная форма и этимологическая карта.

В этимологическом словаре Фасмера слово *чертогон* имеет значения: 1. Нательный крест; 2. Травянистое растение [Фасмер-4, 1987: 348]. Сегодня данная языковая единица несколько изменила свою семантическую структуру. Так, современные толкования данной языковой единицы предусматривают наличие следующих значений: 1. Травянистое колючее растение семейства сложноцветных. 2. разг.-сниж. Обряд изгнания нечистой силы [Словарь Т.Ф. Ефремовой].

В современной прессе слово *чертогон* перестало использоваться как "растение-оберег". Данная лексема реализует значение, которое непосредственно связано с его сакральным содержанием, однако оно обладает дополнительной оценочной коннотацией (как правило, иронической, саркастической).

- "Новые русские гуляли на миру, а нынешний *чертогон* скрыт и в тысячу раз размашистее. Вместо бумера океанские яхты, вместо гаек на пальцах – яйца Фаберже, вместо дачи – Куршевель, вместо казино – английский футбол" [Известия, 13 сентября 2007];

Известно, что *чертогом* также называли того, "кто изгоняет чертей, бесов и другую нечистую силу" [Кузнецов, 2000: 1476]. Новый семантический компонент может быть выражен как "преследование кого-либо" (как правило, представителя противоположных, противоборствующих организаций), реализует сакральную сему "обряд очищения":

- "Прямой конфликт с ООН, на который пошел Сталин в Корею, или купеческий *чертогон* Хрущева на трибуне Генассамблеи для нас – как эпоха динозавров" [Известия, 27 октября 2005].

- "На то можно возразить, что люди в Кремле тоже не лаптем щи хлебают и произведут такой *чертогон*, после которого преимуществами призового права воспользуются только те, кому положено" [Известия, 19 апреля 2005].

Этимологически слово "подкова" связано с глаголом *ковать*: "ковать, кую, оковы, подкова" [Горяев, 1896: 147]; происходит от глагола "подковать" (ст.-слав. "подъковати" от "ковати" – "изготавливать что-л. ковкой, с помощью молота; заковывать в оковы; подковывать лошадей") [Словарь русского языка XI-XVII вв., 1980: 213]; "подъковати – прибить подковы под копыта" [Срезневский, 1902: 1058], ср. "подъковъ – лошадиная подкова" [Словарь древнего славянского языка, 1899: 590].

В середине XIX в. семантическая структура слова "подкова" подразумевала одно значение: "желѣзный полукругъ съ шипами на коцахъ и на срединѣ, коимъ подковывается лошадиное копыто" [Словарь церковно-славянского русского языка-3, 1847: 260].

Согласно толковому словарю русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова, "подкова" означает "изогнутую по форме копыта металлическую полосу, прикрепляемую к конскому копыту..." [Ушаков].

В малом академическом словаре дается более широкий перечень значений данной лексемы: "Подкова – 1. Металлическая, изогнутая по форме конского копыта пластинка, прибиваемая к копыту для предохранения его от повреждения и скольжения. 2. обычно чего или какая. То, что имеет форму такой изогнутой пластинки. 3. Металлическая пластинка, прибиваемая к каблуку" [МАС-2, 1986: 191]. Подобные толкования можно встретить и в современных толковых словарях.

Сама лексема "подкова" не встречается в библейских текстах, однако имеется упоминание кузнечного дела, которое считалось достойным, священным: "Цилла также родила Тувалкаина, который был ковачом всех орудий из меди и железа. И сестра Тувалкаина Ноема" [Книга Бытие 4:20-22]; "И сделал царь Соломон двести больших щитов из кованого золота, по шестисот сиклей пошло на каждый щит..." [Третья книга Царств 10:16]; "Кузнец ободряет плавильщика, разглаживающий листы молотом – куящего на наковальне, говоря о спайке: "хороша"; и укрепляет гвоздями, чтобы было твердо" [Исаия 41:7]. Таким образом, сакральная сема у лексемы подкова может быть выделена опосредованно, через глагол "ковать", от которого оно происходит.

Также о наличии сакрального компонента значения, опосредованно присутствующего в данной лексеме, свидетельствует ассоциат "ковать", также подкова выступает в качестве символа веры в счастье / удачу, что

подтверждается следующим рядом ассоциатов: счастье, на счастье, счастья, удача, на память, счастливая [Русский ассоциативный словарь, 2000].

Образ подковы воспринимается современным русскоязычным человеком как символ удачи, легкого успеха и пр. и, с одной стороны, продолжает сохранять свою сакральную семантику в современном контексте.

- "Помимо кинематографических экспозиций и уникальных архивных фотографий, а также вырезок из старых газет, рассказывающих о жизни цыган, костромской энтузиаст собрал в музее самодельные куклы в цыганских нарядах, конскую упряжь, национальные костюмы, фрагменты бричек и интерьеров цыганских шатров, а также интересную коллекцию лошадиных подков – "на счастье" [РГ, 01.07.2016];

- "А когда он предложил желающим самим выковать себе *на счастье подкову*, выстроилась очередь" [РГ, 16.06.2016];

- "Гости увидят весь путь от заготовки до готового изделия и даже смогут смастерить себе подкову на счастье" [РГ, 25.04.2016];

- "Как в пятницу сообщил ТАСС, Национальный банк Казахстана выпустил в обращение памятные серебряные монеты из серии "Магические символы", выполненные в необычной форме, по контуру напоминающей подкову, направленную концами вверх. "Всем известно, что подкова – древний и самый известный талисман, приносящий в дом удачу, успех и богатство. Считается, что в качестве амулета на счастье "концы подковы должны быть вверх, чтобы счастье "не вылилось", – пояснили в Нацбанке выбранную для новых монет форму" [РГ, 25.04.2016].

Подкова является символом удачи, вполне реально ощутимым:

- "Но пока идем иноходью, может быть, *ядерный арсенал* останется нашей *счастливой подковой*?" [Известия, 19 июня 2008].

Данный символ удачно применяется в различных сферах бизнеса, для привлечения клиентов. Так, к примеру, подобное название может носить какое-либо развлекательное заведение, мероприятие и пр.:

- "Казино "Подкова" (на счастье?) – довольно-таки обветшалое здание с низкими потолками и вытертыми коврами - превратилось за несколько дней в покерную Мекку" [Известия, 27 мая 2004].;

- "А недавно открылась *столовая* "Серебряная подкова" в самом центре, на улице Гагарина" [РГ, 12.05.2016].

Подкова становится именованием какого-либо географического объекта на местности (преимущественно в виду сходства по форме географического объекта с формой подковы):

- "На прошлой неделе на трех из десяти бульваров знаменитого Бульварного кольца, прозванного турфирмами "золотой подковой Москвы", развернулись масштабные работы по реконструкции и благоустройству" [Известия, 30 мая 2008];

- "Это скорее подкова, образованная десятью бульварами, двумя проездами и несколькими площадями..." Прогулка начинается у храма Христа..." [НГ, 26.02.2015];

- "В области можно выделить три типа туристических зон (помимо самого Ростова), которые все вместе образуют маршрут "Серебряная подкова Дона" [РГ, 08.06.2016];

- "Отдыхала в *июне* на базе "Золотая подкова", в туре "Летняя рапсодия Адыгеи" [Форум: Гостевая книга конно-туристической базы "Золотая Подкова" (2012) // НКРЯ].

Таким образом, сакральная семантика подключается в качестве дополнительного механизма привлечения потребителей к продаваемой услуге / товару.

Кроме того, сакральность данного элемента отмечается нами и в следующем примере:

- "Во дворе Дома архитекторов действительно когда-то стояла "церква старая" – Благовещения Господня XVII в. Архитектор Щусев выбрал

для своего здания необычную форму – подкову, чтобы старинный храм обойти" [АиФ, 15/03/2017].

Лексема "подкова", безусловно, обладает сакральной семантикой. Однако трудно определить присутствие сакральности, к примеру, в таком наименовании, как "эффект подковы":

- "Но, по мнению ряда экспертов, их радикализм порой слишком подозрительно зашкаливает – известный "*эффект подковы*", когда крайние точки намного ближе друг к другу, чем к большинству остальных..." [НГ, 03.10.2016].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лексика, связанная с религией, образует значимый пласт человеческой культуры и, в силу "относительной устойчивости и фиксированности" религиозного сознания и "канонического характера формирующих его текстов", наиболее показательно отражает ее проявление в жизни общества, глубоко проникая в повседневную жизнь каждого народа. Отметим, что большую часть предыдущего века религиозная лексика находилась "вне зоны" пользования основного большинства носителей русского языка. Она была подвергнута гонению и забвению. Об этом, в частности, свидетельствует стилистическая маркированность в словарях (данные слова размещались в словарях с пометами "устар." или "церк."). Однако, совсем недавно начала происходить постепенная реактивация данного пласта языка. Высокая употребительность на страницах самых разных печатных изданий говорит о возврате в активное языковое пользование слов религиозной направленности.

Утверждается, что сакральное есть все то, что относится к культу, поклонению особо ценным идеалам, оно соположено с тайной, таинственностью, невыразимостью и секретностью, поэтому под сакральной лексикой нами понимается корпус языковых единиц, наделенных «священным», мистическим, волшебным содержанием, в том числе входящих в систему религиозного культа как совокупность вещей, лиц, действий, текстов, языковых формул, зданий и прочее и репрезентирующих особенности русского менталитета (мышления).

Этимологическая "карта" значений данных языковых единиц позволяет вычленить ряд важных в отношении понятия сакральности элементов действительности (связанных со священным, культово-обрядовым мировоззрением). К ним можно отнести: одежда (наряд, убор); внешнее убранство помещения (предметы, находящиеся в сакральном, почитаемом в

качестве святого месте); предметы, символизирующие поклонение, преданность вере, обереги и др. Однако перечень сакральных языковых единиц, конечно, гораздо шире, поскольку может включать в себя единицы, репрезентирующие особенности русского менталитета (мышления), представлений о религиозности человека, национально-специфичные ассоциаты и другие лексемы.

В настоящее время широкий корпус языковых единиц, относимых к сакральной лексике, представляется неупорядоченным. Это связано в первую очередь с недостаточностью выделенных критериев, на основе которых может быть систематизирована данная лексика, хотя в лингвистической науке на сегодняшний день аккумулировалось достаточно много классификаций. Одной из наиболее разработанных является классификация, базирующаяся на тематическом (семантико-тематическом) признаке.

В рамках данного исследования наше внимание сосредоточено на рассмотрении лексики сакрального содержания, обозначающей символы веры, обереги. В работе представлен анализ функционально-семантической специфики указанного разряда лексики в современном русском языке. Прежде всего нас интересовал сакральный элемент семантики исследуемых единиц.

На основе русского семантического словаря, с привлечением материалом толковых словарей русского языка и газетных материалов нами был произведен отбор лексем с сакральным значением (сакральным элементом семантической структуры) нужной тематической группы.

Проведенный анализ позволил выявить, какие предметы / явления современной действительности становятся ценными, неприкасаемыми, в которые верят подобно божеству. Мы отмечаем обожествление предметов материально-денежной сферы, с одной стороны, с другой стороны, анализ позволил проследить, какие изменения происходят в составе собственно

сакральной лексики, скорректировать направление сакрализации / десакрализации лексики.

Примечательным является то, что значительная часть лексических единиц в их сакральном значении, употребляясь в современных текстах СМИ и художественной литературы, разговорной речи и пр., утрачивает сакральный смысл, включаясь в новые, нехарактерные контексты. Эти языковые единицы употребляются в новых значениях либо приобретают дополнительные оттенки значения (коннотацию: одобрение / неодобрение), передают авторское отношение к описываемому (насмешка, ирония / сарказм и пр.).

С другой стороны, употребление ряда сакральных лексем по отношению к лицам, явлениям и предметам, связанным с Великой отечественной войной, а также наименований родственников, членов семьи (дети, ребенок, мать, родители) свидетельствует о том, что данные элементы следует включить в состав сакральных феноменов.

Сакральность значения нивелируется за счет следующих особенностей употребления:

- включения в нехарактерный контекст (спортивная, политическая тематическая направленность текста и пр.);
- изменения семантики самой единицы (изменения значения: его расширения или, наоборот, спецификации).

Список литературы

Апрелева В.А. Феноменология сакральной власти и жертвенности царя-героя в контексте античной культуры // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки, 2012. – Вып. № 32. – С. 133-138.

Атеистический словарь / А.И. Абдусамедов, Р.М. Алейник, Б.А. Алиева и др.; Под общ. ред. М.П. Новикова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1985. – 512 с.

Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.

Булавина С.В. Русские устойчивые словосочетания, содержащие церковно-религиозную лексику: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2003. – 24 с.

Булавина С.В. Русские фразеологизмы религиозного происхождения // Язык и национальное сознание. – Воронеж, 1998. – С. 105-107.

Воловик В.Н. Категории сакрального ландшафта // Географический вестник, 2013. – Вып. № 4 (27). – С. 26-34.

Горюшина Р.И. Лексика христианства в русском языке (системные отношения прямых конфессиональных и производных светских значений слов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002. – 22 с.

Гумбольдт В.Ф. Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. проф. Бодуэна-де-Куртенэ. – ТТ.1-4. – СПб.: Типография товарищества М.О. Вольф, 1903-1909.

Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. – М.: Русский язык-Медиа, 2003. – 846 с.

Емельянова О.Н. Церковная лексика в малом академическом словаре русского языка // Вестник Красноярского государственного университета. Серия "Гуманитарные науки". – Красноярск, 2000. – № 2. – С. 101-103.

Иванова Р.А. Архаичные морфологические формы как маркеры сакрального текста (на материале текста Нового Завета от Матфея на немецком языке) // Теория и практика описания языковых единиц и структур: Межвуз. сб. науч. тр. к 85-летию профессора А.Т. Кукушкиной. – Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А.Добролюбова, 2009. – С. 26-30.

Катлинская Л.П. Толковый словарь новых слов и значений русского языка: ок. 2000 слов / Л.П. Катлинская. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – 380 с.

Коновалова Н.И. Принципы лексикографического представления сакральной семантики // Педагогическое образование в России, 2013. – Вып. 6. – С. 137-142.

Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.

Косицына Н.О. Лексика религиозной культуры в идиолекте А.А. Фета: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2011. – 21 с.

Крупкин П.Л. Лебедев С.Д. К сакральным основаниям локальных идентичностей в современной России: опыт структурного анализа // Социологический журнал, 2013. – № 4. – С. 35-48.

Кузьмина Т.В. Сакральная составляющая в лексических единицах русского языка: с привлечением единиц из болгарского языка: диссертация ... кандидата филологических наук; [Место защиты: Моск. гос. обл. ун-т]. – М., 2011. – 181 с.

Латинско-русский словарь / Под ред. К. Тананушко. – М.: АСТ Харвест, 2008. – 811 с.

Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия. М.: Росмэн-Пресс, 2006. – 584 с. – Электронный ресурс.

Мечковская Н.Б. Язык и религия. – М.: ФАИР, 1998. – 352 с.

Михайлова Ю.Н. Религиозная православная лексика и ее судьба (По данным толковых словарей русского языка): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Екатеринбург, 2004. – 171 с.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. – М.: ЗАО ОЛМА-Медиа-Групп, 2007. – 784 с.

Моросо-Флорес А.К. К вопросу о семантической классификации религиозной лексики французского языка / А.К. Моросо-Флорес // Молодой ученый. – 2012. – №5. – С. 299-303.

От Аза до Ижицы: Словарь-справочник / Авт.-сост. Л.А. Глинкина. – Оренбург: Оренбургское книжное изд-во, 2000. – 96 с.

Попова З.Д., Стернин, И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2003. – 191 с.

Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка в 3-х тт. – Т.2. (П-С). – М.: Типография Г.Лисснера и Д.Савко, 1914. – 420 с.

Русский ассоциативный словарь. В 2т. / Ю.Н.Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. Т.1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов. – М.: АСТ-Астрель, 2002. 784 с. Т. II. От стимула к реакции: Более 100 000 реакций. – М.: АСТ-Астрель, 2002. – 992 с.

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. В 6-ти тт. / РАН Ин-т рус.яз.; Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. – Том III: Имена существительные с абстрактным значением. – М.: Азбуковник, 1998. – 720 с.

Саттарова М.Р. Сакральная лексика современного татарского языка (на материале толкового словаря) // Современные проблемы науки и образования, 2014. – № 6. – С. 18-21.

Тимофеев К.А. Из наблюдений над религиозной лексикой русского языка // Дискурс. Новосибирск, 1996. – № 1-2. – С. 67-74.

Тимофеев К.А. Религиозная лексика русского языка как выражение христианского мировоззрения: учебное пособие. – Новосибирск, 2001. – 88 с.

Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / Складская Г.Н. – М., АСТ: Астрель: Транзиткнига, 2005. – 894 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т.: Пер. с нем. – 3-е изд., стереотип. – М.: Азбука-Терра, 1996. – Т. 4. – 864 с.

Худякова Е.С. О функциях религиозной лексики и библеизмов в текстах современных печатных СМИ // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. Аспирантские тетради. – СПб., 2007. – № 20(49). – С. 226-234.

Четырина А.М. Религиозная лексика в толковых словарях конца XVIII-середины XIX века // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. Аспирантские тетради. – СПб., 2006. – № 2(19). – С. 81-84.

Шагалова Е.Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века: ок. 1500 слов / Е.Н. Шагалова. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 413 с.

Якимов П.А. О сущности понятия "религиозная лексика" в современной лингвистике // Вестник ОГУ №11 (130) / ноябрь 2011. – С. 74-76.

Источники языкового материала

Аргументы и факты (АиФ), <http://www.aif.ru/>

Известия, <http://izvestia.ru/>

Комсомольская правда (КП), <http://www.kp.ru/>

Независимая газета, <http://www.ng.ru/>

Православие, <http://www.pravoslavie.ru/>

РБК Daily, <http://www.rbc.ru/newspaper/>

Российская газета, <https://rg.ru/>

Советский спорт, <http://www.sovsport.ru/>

Труд-7, <http://u7a.ru/about/trud-7>

https://abireg.ru/n_19207.html